

Вейн

Автор:

Марина Суржевская

Вейн

Марина Суржевская

Семь лет разделяют их. В прошлом: юная лейна и благородный дер, в настоящем – проклятый Перерожденный и охотница за головами... Теперь у каждого своя жизнь и свои тайны. Но прошлое не дает покоя, отравляет настоящее, наполняет души ненавистью... Где искать ответы? И станет ли им легче, когда ответы все же будут найдены? Примечание: в книге присутствуют откровенные сцены и элементы дарк фэнтези.

Часть 1

Дворец Смотрящих

Дойдя до края темноты,

Утратив смысл бытия,

Всё потеряв... Кем станешь ты?

Всех потеряв, кем стану я?

В Зале Отражений гуляли сквозняки. Девушка недовольно поморщилась – она не любила холод. Наверное, он слишком о многом напоминал. Как бы там ни было, Путница предпочитала светлые помещения и живое тепло огня. Увы. Словно в насмешку, ее слишком часто отправляли в северные пределы, в стылые земли, где даже летом все окутывал липкий туман. Да и самого лета в Темном мире не было. Никогда.

Она незаметно вздохнула, таясь от Мастера. Фигуры у стен застыли, словно бездушные изваяния: черные плащи в пол, маски на лицах... Порой Путницу все это смешило. Понимала, что так нужно, и все же не могла удержаться от циничного смешка.

Ее маска сегодня тоже была простой, гладкой и черной. Смотрящие не допускали яркие цвета в этом зале. Ничто не должно отвлекать от задания, ни единый штрих не вправе нарушить черно-белый рисунок теней и света, что углублялся в бесконечное пространство отражений. Сотни зеркал создавали иллюзию тысячи извилистых коридоров во тьму, множили черные фигуры Смотрящих, искажая их и превращая в изломанных чудовищ. Впрочем, именно такими они и были.

– Антар, – прошелестел Смотрящий.

Путница содрогнулась. Только не это... Ей не было страшно, но с этим заданием, возможно, даже Кьяра не справится. И Тени оно не по зубам. И Огненной Арше... Никому.

Но, конечно, она промолчала.

– Новый рассвет ты встретишь в пути, – сказал Смотрящий. – И еще. Тебе придется дать Клятву Жизни.

Она стояла, не шелохнувшись, ничем не выказав удивления.

– Он настаивает на этом. Только так ты сможешь попасть в Антар. И именно поэтому туда отправляешься ты.

Вейн смотрела на фигуру, укутанную в черную ткань, и размышляла. Значит, все гораздо серьезнее, чем она предполагала.

Смотрящий помолчал, словно и в его мертвой душе шевельнулись какие-то сомнения. Хотя это всего лишь самообман, конечно. Разве мучается сомнениями камень или сухое дерево? Глупое предположение.

Но остался еще один вопрос. Самый главный. Вернее, ответ. Вопрос она так и не задала. Кто? Может... Может, все же не он? Антар большой. Его владения простираются от диких ледяных пустошей до западных озер. Даже на хмере их не объехать и за несколько дней. Так говорят, потому что мало кому удавалось там побывать. Но увы, плохие предчувствия не зря с самого утра мучили Путницу.

– Призрак.

* * *

Антар оказался еще хуже, чем она себе представляла. Уже за Озерами резко похолодало, ощутимо потянуло сыростью. Путница плотнее закуталась в плащ, рассматривая серый туман, что стелился за одинокой всадницей. Он не был похож на тот, обычный, какой царит за пределами Антара, и к которому она уже привыкла, как к неизбежному злу. Нет... Этот туман напоминал живое и хищное существо, он расступался перед девушкой, чтобы резко сомкнуться за ее спиной, заманивал и путал, ощупывая ее тело серыми клочьями.

Путевой дом остался за Гнилыми Озерами. Там Путница последний раз сытно поела нормальной горячей еды. Два следующих дня ей приходилось питаться холодными запасами и спать на деревьях, завернувшись в плащ. Даже огонь на привалах она не разводила, чтобы не привлекать внимание местных хищников. В этих землях водилось слишком много существ, от которых не спасут ни зачарованные кинжалы, ни огонь, ни яды. Только Тьма. А ее-то как раз у Путницы и не было.

Утром третьего дня она выехала на колею и сверилась с картой. Если она ничего не путает, то где-то здесь ее должны встретить. Лошадь под девушкой недовольно фыркала, прядала ушами и беспокойно вскидывала крылья так, что

Путнице приходилось ее сдерживать, успокаивать.

– Тихо, тихо, Птичка, не бойся, – шептала она, поглаживая норовистую кобылу, – мне тоже тут не слишком нравится...

Путница вздохнула, сняла перчатку и размяла затекшую шею. Натянула поводья, оглядываясь и пытаясь понять, куда двигаться дальше. Не хотелось думать, что она заблудилась. С обеих сторон тянулся лес, утопающий в тумане по самые макушки деревьев, словно в прокисшем молоке. Утоптанная колея почти не проглядывала, ее сменила грязь, посеребренная инеем. Неужели девушка свернула не там?

И где, Тьма их подери, обещанные встречающие?! Но стоило Путнице подумать об этом, как впереди забрезжил огонек, и из белесого нечто выступил всадник. Девушка сдержала руку, в которой блеснула уже готовая сорваться с пальцев игла.

– Прошу прощения, эри, – мягко произнес мужчина, поднимая выше зеленый мерцающий шар, – я не сразу нашел вас. Вы свернули с основной дороги.

Путница молча опустила ладонь, на миг задержав ее, чтобы мужчина увидел смертельные иглы с ядовитыми наконечниками.

– В таком тумане стоит быть осторожнее, – продолжил тот, сделав вид, что не заметил игл. – Знаете, в наших краях легко потеряться. И сгинуть. Следуйте за мной.

Она тронула поводья. Эри не собиралась обсуждать с ним недостатки местности или вести светскую беседу. Не для того она прибыла в Антар. Встречающий понял, что общаться девушка не расположена. Кивнув, он направил коня вглубь тумана.

И Путница осознала, что без провожающего никогда бы не нашла укрытый за несколькими слоями темноты замок. Она почти не почувствовала Тьму, так искусно та была наложена, скрывая от посторонних глаз здание с круглыми башнями.

Девушка содрогнулась, когда они вошли в первый слой, и привычно сжала зубы, пытаясь побороть приступ паники. Сердце заколотилось, как сумасшедшее, дыхание перехватило, а тело напряглось, сопротивляясь разрушительной силе Тьмы. Первый слой, второй, третий... Мышцы дрожали от напряжения, и силы утекали, словно вода в песок...

Путница осторожно осмотрелась, стараясь не делать резких движений. Во Тьме это слишком опасно, никогда не знаешь, что за порождение мрака следит за тобой. Но вокруг было тихо, все тот же туман и лес, да фигура провожающего. Глазами Путница не видела слои, и это тоже удивляло.

Не зря о Призраке уже слагают легенды. Силен.

Замок возник перед ними внезапно, и так же неожиданно отступила Тьма. Вейн чуть качнула головой. Семь слоев Тьмы... Очень плохо. Для нее, разумеется.

– Добро пожаловать в Антар, эри, – сказал провожающий, когда они въехали на широкий подвесной мост.

К удивлению девушки, замок не встретил ожидаемым шумом голосов и мешаниной запахов, которые всегда присутствуют в жилище людей. Здесь было тихо и безлюдно. Она шевельнула пальцами, опасаясь, что они все еще во Тьме, правда, не понимая, какой в этом смысл. Но кончики пальцев были теплыми, а это значит, что Тьма осталась позади. Задавать вопросы девушка не стала. Путница умела терпеть и молчать. И точно знала, что всему свое время.

Они миновали мост. Копыта лошадей выбивали гулкую дробь по мореным доскам, однако этот звук почти сразу гас, словно тонул в вязкой тишине. За мостом ожидаемо оказался внутренний двор, мощный камнем, но неожиданно пустой, без привычных построек для скотины или подсобных помещений.

Провожающий тронул поводья и остановился, Путница последовала его примеру. Почти сразу откуда-то сбоку появился бородатый мужик, коротко кивнул и молча перехватил поводья ее лошади. Всадница спрыгнула на землю, придерживая полы плаща. Осмотрелась. Все ее инстинкты кричали об опасности, хотя ничего страшного она не подмечала. Тьма осталась позади, запахи и звуки хоть и приглушенные, но вполне обычные, живые, и все же... Ей хотелось уйти. Нет, она боролась с желанием бежать из этого места, без оглядки. Снова

вскочить на лошадь, ударить пятками по крупу и нестись во весь опор до самых пределов Антара...

Эри откинула капюшон плаща и пошла вперед, туда, где горел огонь.

* * *

Она не заметила, в какой момент ее провожающий исчез, словно растворился в одном из мрачных коридоров. Девушка шла вперед, стараясь не озираться по сторонам. И не задумываться.

Коридор закончился, и она оказалась в большом зале, где пылал камин, пол устилали шкуры, а в одном из кресел сидел мужчина. Он поднялся, когда девушка приблизилась.

– Рад приветствовать, эри, – негромко сказал он, внимательно рассматривая ее традиционные одежды: узкие штаны, заправленные в сапоги, тунику с разрезами по бокам, перчатки, плащ, маску. – Вас ждали.

Девушка кивнула, так же внимательно разглядывая мужчину. Высокий шатен, спокойные карие глаза почти без красноты. Она не чувствовала от него опасности, силы в Темном почти не было. Но это и не удивительно, Призрак умеет маскироваться. Неужели это его настоящая личина? Вряд ли...

– Вы ведь знаете, что должны принести Клятву Жизни, чтобы остаться в Антаре? Готовы это сделать, осознавая последствия? – так же спокойно спросил мужчина.

Путница лишь коротко кивнула.

– Тогда не будем тянуть, – произнес он, доставая из шкатулки кольцо.

Темный рубин вспыхнул, налился кровью и выплеснулся в ладонь мужчины багровой жидкостью. Девушка хмыкнула. Вот и ответ на ее вопрос. Раз используют накопитель, значит, настоящий Призрак где-то за спиной. Она прислушалась, но тренированный слух не уловил ни единого постороннего звука.

Путница вытащила свой стилет, резко провела по запястью. Кровь выступила из пореза, и она вложила свою ладонь в руку мужчины. Посмотрела ему в глаза.

– Я приношу клятву жизни хозяину Антара, осознаю сказанное и отдаю свою кровь в залог. Моя жизнь и моя кровь отныне не принадлежат мне, и я не смею нарушить клятву, пока жива. Тьма видит.

Кровь в их ладонях свернулась, загустела, а потом черной змеей втянулась в камень на кольце.

– Я принимаю твою клятву, – раздался голос за спиной девушки, и вся сущность ее сжалась от ужаса. Мужчина с карими глазами спокойно и безучастно смотрел на нее, но Путницу он уже не интересовал.

Она медленно обернулась и вздрогнула. Даже ее хваленая выдержка подвела, когда она посмотрела в глаза Призрака. Этого не может быть! Этого просто не может быть!..

– Ты умер, – прошептала она, – ты умер...

– Да, – с насмешкой отозвался он. – Я умер. Ты убила меня, Вейн. Семь лет назад.

Он сделал к ней шаг и улыбнулся. И Вейн подумала – кажется, сейчас она опозорит Смотрящих, потому что совершенно по-женски свалится в обморок. Она не знала, как смогла устоять и сдержать вопль ужаса.

– Вижу, ты рада меня видеть, Вейн, – улыбнулся Ксандр.

Далькотт

Семь лет назад

– Вейн, не грусти, – воскликнула Люси, поправляя шляпку.

Очаровательная блондинка, как всегда, была похожа на цветочную клумбу. Вейн усмехнулась, но незаметно, не желая обижать сестру. При всей своей недалекости Люсинда была мила и непосредственна. Все, кто знали сестер, удивлялись их непохожести. Словно день и ночь, свет и тьма. Они отличались не только внешне, но и внутренне столь разительно, что именно это и вызывало недоумение.

– Ну же, Вейнитта, улыбнись, – теребила ее Люсинда, и девушка поморщилась, уже не скрываясь.

Она не любила свое полное имя, предпочитая сокращенное Вейн, и Люси прекрасно об этом знала. Нарочно так называла ее, когда хотела вывести из состояния задумчивости, в которое девушка порой погружалась. А в последнее время Вейн все чаще пребывала в нем, замыкалась в себе, не желая общаться даже с любимой сестрой.

– Вейн, ну пожалуйста, – Люси заглянула ей в лицо своими небесно-голубыми глазами, похлопала ресницами и состроила жалостливую гримаску. – Я пугаюсь, когда ты такая.

– Прости, – вздохнула Вейн и улыбнулась сестре. – Не переживай, дорогая, со мной все в порядке. Просто задумалась...

– О нем? О своем женихе?

Вейн снова вздохнула. Ей до сих пор не верилось, что это свершится, что совсем скоро она станет замужней дамой. Конечно, обручение состоялось уже давно, когда она была еще ребенком. Жениха своего Вейн ни разу не видела, лишь портрет, на котором был запечатлен угловатый подросток. Правда, и самой Вейн в ту пору едва исполнилось восемь. Мальчик на портрете впечатления не произвел, впрочем, девочку тогда больше интересовал новый жеребец, которого купил отец для их конюшни, или страшные сказки про принявших Тьму, что рассказывала старуха Бета. После таких сказок они с Люси полночи не могли уснуть, пугаясь каждого шороха и собственной тени.

С тех пор прошло одиннадцать лет, и теперь они ехали в Далькотт, в замок ее жениха, где Вейн предстояло стать уже не просто нареченной, а женой.

– Вот увидишь, он наверняка окажется красавцем! – Люси закатила глаза. Она всегда была очень романтичной. Подсела ближе, склонилась к самому уху сестры, покосившись на задремавшую мистрис Алесс. – А ты расскажешь мне потом... про то... самое? Когда все случится? Ну, это самое, что происходит после обряда? Расскажешь? – жарко зашептала она.

– Люси, прекрати! – так же шепотом ответила Вейн и отпихнула ее от себя.

Об этой стороне супружеских отношений она старалась вообще не думать. То, что, поджав губы, рассказала ей перед отъездом матушка, звучало как-то... ужасно. Конечно, девушка понимала, что в природе все размножаются, и даже видела, как это происходит у животных, но ей хотелось думать, что у людей все по-другому, не так дико.

– Ну и ладно, – надула и без того пухлые губы Люси, – меня скоро тоже замуж выдадут, сама все узнаю!

– Нашла чему радоваться, – пробормотала Вейн.

В отличие от романтичной Люси, ей совсем не хотелось становиться замужней дамой и рожать детишек, но увы... Как и все, она не могла выбрать свою судьбу. Единственное, на что ей стоило надеяться, так это на то, что муж ее окажется достаточно благородным и будет к ней добр. Вейн знала, что ее семья получила круглую сумму от родителей жениха, и гнала от себя мысли, что она всего лишь товар, который выгодно продали.

Ей даже не позволили взять с собой любимицу гнедую кобылку, и эта разлука ранила больше, чем расставание с отцом и матушкой. К сожалению, и Люси пробудет с ней лишь до обряда, а после и она, и все сопровождающие покинут Далькотт, оставив новобрачную наедине с ее новой жизнью.

– Все будет хорошо, – Люси ободряюще сжала ее руку, – вот увидишь! Я чувствую, что здесь ты найдешь свое счастье!

Как и многие лейны их города, Люсинда не раз посещала тайком загадочный дом на окраине, в котором, поговаривали, жила Темная. Вернее, это она утверждала, что является Темной и может видеть будущее, которое открывает ей Тьма. Вейн подозревала, что старуха была шарлатанкой, и никогда не

поддавалась уговорам сестры наведаться в дом на окраине вместе, дабы тоже приоткрыть завесу над грядущим. Просто Вейн, в отличие от доверчивой сестрицы, понимала, что те, кто видят Тьму, не станут проводить жизнь за глупым разглядыванием чаинок на дне чашки. Тьма способна на большее. На гораздо большее.

Вейн снова ощутила внутренний холод, как случалось всегда, когда она думала об этом. Прикоснулась к занавеске на окошке экипажа и выглянула наружу. Судя по всему, они подъезжали. Замок, что показался впереди еще час назад, сейчас возвышался на скале прямо перед ними, а у его подножья раскинулись долина и озеро, затянутое льдом. Девушки плотнее укутались в меховые плащи.

– Все-таки хорошо, что обряд решили провести весной! – в который раз порадовалась Люсинда. – Что может быть лучше, чем стать новобрачной под трели весенних птиц и цветение садов? Украсим арку твоими любимыми айрисами, наденешь мамино платье... Оно такое красивое! И тебе идет красное. Дер Леран влюбится в тебя до беспамятства, когда увидит! Так и будет! А потом устроим праздник в саду, до самого утра... Хотя уже без новобрачных, понятно!

– Говорят, у дера Александра прекрасный сад, – равнодушно отозвалась Вейн, пряча лицо в серебристый мех.

– А еще говорят, что он совершенно несносный, – весело подхватила Люси. – Хорошо, что твой жених не он, а его брат, правда? К тому же, дер Александр почти все время проводит в столице, так что, возможно, вы познакомитесь только на обручении.

Вейн пожала плечами.

– Приехали, – крикнул возница.

Служки распахнули дверь экипажа, разложили ступеньку, чтобы девушки могли выйти. Мистрис Алесс протерла заспанные глаза и села ровно, как и подобает благородной, хоть и обедневшей лейне.

– Люсинда, поправь ленты, – строго приказала она, окидывая сестер придирчивым взглядом. – Вейнитта Брайнс, перестань хмуриться! Ты приехала к жениху, так будь любезна, улыбайся!

Девушки привычно кивнули, выпрямили спины, «надели» на лица доброжелательные улыбки и покинули экипаж.

* * *

На первый взгляд замок казался огромным. Чудилось, что в него можно вместить несколько отцовских поместий, вместе с конюшнями и постройками для служек. И еще здесь царил холод. В их родном Таларе зимы были мягкими, почти бесснежными, а здесь сугробы в человеческий рост, и даже меха не спасают от пронизывающего морозного ветра.

– Спину ровно, – прошипела мистрис Алесс.

Сестры слаженно выпрямились, хотя по их спинам уже можно было ровнять доски. Они направились к ступеням, стараясь не дрожать от холода и волнения. Стоило переступить порог большого зала, как их окутало тепло живого огня от огромных каминов, и слаженный вздох облегчения невольно сорвался с девичьих губ. Звук торопливых шагов привлек внимание сестер. По лестнице спускался молодой мужчина. Приблизившись, он улыбнулся и прикоснулся губами к запястью каждой лейны.

– Добро пожаловать в Далькотт, – тепло поприветствовал он. Задержал взгляд на Вейн и добавил: – Добро пожаловать домой.

И Вейн, впервые за долгое путешествие, улыбнулась. Конечно, ее жених сильно изменился и уже давно перестал быть тем мальчиком с портрета. Он вырос и превратился в красивого молодого мужчину. Высокий, с мягкими каштановыми волосами, слегка вьющимися на концах, и добрыми карими глазами, в которых плясали теплые искорки. В первый раз ее посетила мысль, что стать замужней дамой, пожалуй, не такая уж и плохая идея.

– Приветствуем вас, дер Леран, – произнесла мистрис Алесс, а сестры присели в церемонном поклоне.

– Я вижу, наши края напугали вас холодом, – улыбнулся он. – Прошу, проходите, ваши комнаты уже готовы. Отдохнете после утомительного путешествия, а

после мы сможем поговорить и познакомиться поближе.

Он снова посмотрел на свою нареченную и улыбнулся. И Вейн улыбнулась в ответ.

* * *

Последующие десять дней пролетели для Вейн, как одно мгновение. Леран оказался прекрасным собеседником, и они проводили много времени, общаясь у камина в нижнем зале или в зимнем саду, который оказался просто потрясающим. Таких роз сестры не видели даже на клумбах своей матушки, а ведь она славилась цветниками на весь их край! Леран был так мил и обходителен, что даже суровая мистрис Алесс попала под его обаяние и смотрела снисходительно на его долгие беседы с Вейн, порой даже оставляя их наедине. В замке проживала двоюродная тетка Лерана, вдовая мистрис Рута, и две попечительницы быстро нашли общий язык, да порой так увлекались обсуждением методов воспитания, что забывали о самих воспитанниках. К тому же, будущий муж Вейн не делал ничего предосудительного и никогда не выходил за рамки приличий. Самое большее, что он себе позволял – это коснуться губами запястья невесты. Впрочем, так же он вел себя и с Люсиндой, да и самой мистрис Алесс. Сидя у каминов он чаще всего рассказывал им о Далькотте – суровом крае, который искренне любил.

Рядом с ним Вейн испытывала спокойствие. Не было тех романтических чувств, о которых с придыханием рассказывала мечтательная Люсинда. Но радовало уже то, что с этим мужчиной уютно. Казалось, что и вся их будущая жизнь будет такой же: наполненной душевными беседами за чашечкой чая и долгими прогулками перед сном, мягким теплом карих глаз и деликатным прикосновением рук.

Вейн понимала, что далеко не всем везет так, как ей, и благодарила добрых вир, что послали столь замечательного нареченного. Уже через полмесяца ей казалось, что они знакомы целую вечность.

– Конечно, Вейн, – смеялся Леран, когда она в очередной раз повторила это, – ведь я засыпал с вашим портретом каждый день! Вы должны были видеть меня во сне.

– Но на том портрете мне семь лет! – смеялась она в ответ.

– Да. На вас желтое платье, и вы очень сурово смотрите на меня с холста.

– Потому что мне не нравилось стоять часами неподвижно, ожидая, пока художник сможет запечатлеть мой светлый лик, – улыбалась девушка. – Я предпочитала проводить время более живо...

– Например, скакать на лошади или удирать от отца, чтобы не получить за очередную проделку, – лукаво добавляла сестра.

– Люси! – Вейн в такие моменты честно старалась покраснеть, но у нее не получалось, и все они дружно начинали смеяться.

В общем, в Далькотте ей понравилось. Обряд обручения должен был состояться весной, когда зацветут айрисы, а после сестра и все, кто сопровождал невесту, уедут. И грядущее расставание было единственным, что огорчало Вейн.

Собственно, все вопросы, в том числе денежные, были давно решены между ее отцом и старшим братом Лерана, который являлся хозяином Далькотта. Само обручение – лишь формальность и мало кого интересовало. Вейн в который раз кольнуло понимание, что ее продали, словно товар. Матушка даже не захотела ехать на церемонию, сославшись на слабое здоровье, а отец и вовсе отмахнулся. Хвала вирам, хотя бы отпустили с ней Люсинду.

Впрочем, Вейн привыкла к такому отношению со стороны родителей. Вот Люси была всеобщей баловницей. И это понятно. Белокурая девочка казалась небесной вирой в нежно-розовых платьицах. Даже хмурая и всем недовольная Бета расплывалась в улыбке при виде этого чуда. Да и сама Вейн нежно любила сестру, потому что в придачу к такой небесной внешности виры наградили Люси смешливостью и живой непосредственностью, которыми никогда не отличалась темноволосая и своенравная Вейн.

В один из дней Вейн решила прогуляться по склону. Люси с ней не пошла, мило сморщив носик на это предложение.

– Там можно превратиться в ледышку, – ответила она. – Лучше уж я посижу в саду, среди роз...

Вейн не настаивала. Вместо этого надела теплое платье, меховой плащ и прихватила рукавицы. Ей не хватало простора, она привыкла к конным прогулкам по полям родного Талара, а в стенах замка, пусть и гостеприимного, ей было тесно. Хотелось на воздух. К тому же день выдался погожий – солнечный и тихий.

Она вышла из замка и направилась по утоптанной тропке, с интересом разглядывая заснеженные сказочные деревья, маленьких пичужек на пушистых ветках да мелькающих среди еловых лап белок. Погрузившись в размышления, Вейн не заметила, как отошла довольно далеко от замка. Лишь на мгновение мелькнула мысль, что надо было сообщить о прогулке Лерану, но тут же Вейн выбросила ее из головы. Как потемнело небо и померк в пелене солнечный свет, она и не заметила, находясь во власти своих мыслей. Очнувшись, только поняв, что снова мерзнет, и повернула обратно к замку.

Погода портилась так стремительно, что девушка удивленно осмотрелась. Никогда раньше она не видела, чтобы солнечный день вдруг сменялся ненастьем, а искрящиеся мягкие снежинки начинали закручиваться маленькими вихрями. Не прошло и десяти минут, как на скалах стало настолько темно, словно уже наступили сумерки, а белая пелена почти скрыла замок.

Поднявшийся буран налетел столь стремительно, что девушка ничего не успела понять. И лишь осознав, что стоит на морозе, не зная, в какой стороне замок, Вейн испугалась.

– Ау! – крикнула она. – Есть тут кто-нибудь? Помогите!

Снег завьюживал все сильнее. Девушка ужасно замерзла, ноги в ботинках уже покалывало ледяными иголками. Она все шла и шла, не понимая куда, с ужасом осознавая, что заблудилась, и долго на таком холоде не продержится.

Вейн снова закричала, но ее голос утонул в ненастной круговерти, словно заглушенный старым тюфяком. В голову пришла страшная мысль, что никто не кинется на ее поиски, но Вейн тут же отменила ее. Ведь Люси знает, что она отправилась на скалы, а значит, слуги уже брошены на ее поиски. Что же так

долго их нет? Неужели она так далеко ушла от замка? А ведь казалось – прошла всего ничего!

– Помогите! Я здесь! Здесь! Ау! – снова и снова кричала Вейн, чувствуя, как саднит уже сорванное горло.

Ветер выл всюду, швыряя ей в лицо комья снега и льда. Отчаяние душило паникой, но она заставляла себя успокоиться. И снова попыталась закричать, но получилось выдать лишь слабый хрип.

Когда из белой бури вылетела темная фигура, девушка уже потеряла всякую надежду и не поверила своим глазам. Всадник резко натянул поводья, останавливая жеребца. Вейн шарахнулась в сторону, опасаясь угодить под копыта. С трудом удержала равновесие и не повалилась в сугроб. Подняла голову и прошептала окончательно замерзшими губами:

– Помогите.

Незнакомец протянул руку и легко закинул девушку в седло. В любое другое время подобное обращение должно было вызвать у благовоспитанной лейны негодование, но все, что испытала Вейн сейчас – это приступ горячей благодарности. Да она готова была расцеловать этого всадника.! Обернулась, желая что-то сказать, но не смогла, пораженная до глубины души. У всадника были удивительные глаза. словно расплавленное серебро...

– У вас еще будет возможность поблагодарить меня, путница, – произнес мужчина, прищипывая жеребца и одной рукой прижимая ее к себе.

А Вейн вдруг накрыло волной необъяснимого ужаса. Она провалилась в темноту и уже не чувствовала, как они мчатся сквозь бурю, и как незнакомец несет ее на руках в теплый холл замка...

* * *

После неудавшейся прогулки Вейн свалилась с горячкой на несколько дней и вынуждена была находиться в кровати, злясь на себя за глупость. Впервые спустилась к ужину лишь через пять дней и удивилась, увидев за столом того самого незнакомца, что спас ее.

– Мы не успели познакомиться, – поклонился он, и в голосе проскользнула легкая насмешка. – Александр Далькотт. Рад, что вам стало лучше, лейна Вейнитта.

– Называйте меня Вейн, прошу вас, – отозвалась она. Голос все еще хрипел, простуженное горло саднило.

– Мы так испугались за вас, – обеспокоенно сказал Леран. – Как вы себя чувствуете?

– Уже лучше, – улыбнулась ему девушка, усаживаясь на отодвинутый служкой стул.

Она уже знала, что в тот день, когда ушла гулять, ее не искали. Люсинда поведала ей это, плача и держа за руку, когда сестра металась в горячке.

– Прости, – причитала она, – прости меня! Я думала, ты уже в замке. Я даже предположить не могла, что ты не вернулась с прогулки! Сидела в зимнем саду, смотрела на розы, а ты там одна... В снежном буране... Чуть не погибла! Прости меня! Умоляю! Я так виновата!

– Ты не виновата, – хрипло успокаивала Вейн сестру и гладила по волосам. – Не терзайся.

Все время, пока она болела, Люси неотлучно находилась рядом, держала ее за руку, рассказывала что-нибудь увлекательное или читала. Она изо всех сил старалась загладить вину, хоть Вейн и убеждала ее, что не о чем беспокоиться. Но Люси так убивалась, что вскоре уже Вейн почувствовала себя виноватой. Может, потому она и постаралась как можно скорее выздороветь, чтобы не видеть больше жалостливых глаз Люсинды.

– Лучше, – повторила Вейн и расправила на коленях льняную салфетку. Она подняла голову и улыбнулась: – Рада познакомиться со старшим братом моего

нареченного. Мы много слышали о вас, дер Александр, хотя я не думала, что нам доведется встретиться при таких... необычных обстоятельствах! И благодарю вас, вы очень вовремя оказались на той дороге.

Вейн снова посмотрела в его холодные глаза. Надо же, совершенно не похож на брата. Скорее, Ксандра можно было назвать братом самой Вейн. У них обоих были темные волосы и светлые глаза, только у нее зеленые, а у него – серые, словно расплавленное серебро.

Впрочем, Вейн знала, что Леран и Александр братья лишь по отцу, а матери у них разные. Старший после смерти родителей унаследовал Далькотт, но мало времени проводил в родовом замке, в основном проживая в столице при дворе короля. На этом знания девушки заканчивались, общительный Леран не слишком любил говорить о своей семье. И тем более о старшем брате.

Вейн хотела поинтересоваться, надолго ли Александр пожаловал в Далькотт, но решила, что подобный вопрос может показаться двусмысленным, словно она уже мнит себя хозяйкой замка. К счастью, повисшую тишину нарушила непосредственная Люси:

– Дер Александр, а это правда, что при дворе девушки и дамы стали носить под платьем брюки? Прямо как... как принявшие Тьму? Знаете, в нашей глуши мы совсем отстали от жизни, ничего не знаем о современных нравах!

– Честно говоря, я тоже не очень о них осведомлен, лейна Люсинда, – ответил мужчина. – А что касается одежды лейн при дворе... хм. Брюк под платьем я не заметил. Но, возможно, я был не слишком... внимательным.

– Как жаль, – искренне огорчилась Люси.

– Люсинда! – строго отдернула ее мистрис Алесс. – Ты задаешь много вопросов!

Вейн отвела взгляд. За спокойным ответом дера звучала насмешка, но Люси этого не заметила.

– Вас тоже интересует мода при дворе, лейна Вейн? – обратился к ней Александр.

– Не очень, – честно ответила она.

– Отчего же?

– Не думаю, что эти сведения как-то пригодятся мне в жизни. К тому же Далькотт так далеко от столицы, что когда столичная мода дойдет до наших мест, я уже буду шить распашонки для внуков.

– А вы планируете провести всю жизнь в Далькотте?

– Странный вопрос, брат! – с улыбкой заметил Леран. – Где же еще должна проводить свою жизнь моя супруга, как не в нашем родовом замке?

Александр промолчал. Он пил вино, задумчиво смотрел на Вейн поверх кубка, и ей было не по себе от его взгляда.

– Дер Александр, а вы видели принявших Тьму? Или эри? – не унималась Люси.

– Люсинда Брайнс! – возмутилась мистрис Алесс, а тетушка Рута поджала губы. В приличном обществе говорить о таких вещах, было не принято, даже возмутительно.

Между тем, несмотря на возмущение, в глазах мистрис скользнуло жадное любопытство, смешанное со священным ужасом. И они обе застыли, отчаянно делая вид, что совершенно не интересуются этим вопросом.

– Да, я их видел, – кивнул Александр, рассматривая свой бокал, словно было в нем что-то чрезвычайно интересное.

– И как они? – Люси поддалась вперед, совсем забыв о правилах приличия. – Они и правда такие монстры, как о них говорят? Чудовища? У них есть огромные рога и копыта? А в глазах сверкает пламя Тьмы?

– Люси! – с отчаянием простонала мистрис Алесс.

– Нет, лейна Люсинда. Ни рогов, ни пламени я не заметил, – вежливо ответил ей дер Александр. – Но, как уже говорил, возможно, я не слишком внимателен.

– А...

– Достаточно! – Мистрис Алесс сурово посмотрела на воспитанницу, и Люси сникла.

Служки принесли горячее, и беседа перешла на более безопасные темы. Обсуждали погоду и разгулявшийся буран, новую книгу скандального дера Оливьера и предстоящее празднование Дня Света. Вейн в разговоре не почувствовала. Аппетит пропал вовсе, и она сидела, погружившись в свои мысли, и делая вид, что ест. Но кусок в горло не лез. Устав притворяться, она поднялась, сославшись на недомогание после болезни, и ушла наверх.

Вейн брела по галерее замка, пытаясь избавиться от ощущения тревоги, что поселилось в ней. Но получалось плохо. Она поднялась на башню и застыла, бездумно рассматривая раскинувшуюся внизу заснеженную долину и прислушиваясь к воющему в вышине ветру.

Разговоры за столом оставили в ней гнетущий осадок, и она не знала, как избавиться от него. Так бывает иногда, вроде и нет причин грустить, все благополучно, а душа отчего-то мечется, беспокоится ей.

Девушка не услышала шагов за спиной и вздрогнула, когда рядом возникла темная фигура.

– Я напугал вас? Прошу простить, – Александр говорил приветливо, но почему-то с каждым его словом Вейн становилось все больше не по себе.

– Немного. Я не слышала, как вы подошли.

Он внимательно рассматривал ее, и девушка занервничала под его взглядом. Она не знала, что еще может сказать. О чем ей вообще разговаривать с этим человеком? И зачем он сюда пришел?

– Я уже собиралась уходить... – пробормотала она.

– Скажите, лейна Вейнитта, вам понравилось в Далькотте?

– Я пока не смогла рассмотреть долину, но ваш замок очень красив, дер Александр, – негромко и предельно вежливо ответила она.

– Зовите меня по имени, – вдруг велел он, – мы ведь почти родственники. Ксандр. Так меня называют... друзья.

Вейн не смогла скрыть удивления. Но возможно, он действительно лишь проявляет вежливость?

– Что ж, тогда буду рада, если и вы будете звать меня Вейн. – согласилась она. – К тому же вы правы, мы с вами действительно совсем скоро породнимся.

– Вы с Лераном уже назначили дату обряда?

Он отошел к стене, встал у узкого окна-бойницы, за которым завывала метель.

– Еще нет, – Вейн замялась. К чему все эти вопросы? Ей снова захотелось уйти. – Скорее всего, церемония состоится после Дня Света. Люсинда и мистрис Алесс должны возвращаться в Талар. Родители будут беспокоиться, если они слишком задержатся. Сестра шлет домой письма с вестниками каждую седмицу.

– Вы с сестрой удивительно непохожи, – глядя на нее в упор, снова заговорил он о другом.

– Да, это так, – без эмоций откликнулась она.

– Наверное, вы слышите эту фразу так часто, что она вам порядком надоела, – усмехнулся мужчина.

Вейн тоже чуть улыбнулась.

– И это тоже верно, дер Александр. В нашей семье все светловолосые, кроме меня. Я пошла в бабушку.

– Если это так, смею предположить, что она была красавицей, – ровно отозвался он.

Вейн взглянула на него, не скрывая изумления, и вспыхнула. Он, что же, таким образом сделал ей комплимент? Но слова его не вязались с выражением лица, потому что смотрел дер Александр равнодушно и без тени улыбки.

Вейн неуверенно отступила, собираясь вежливо попрощаться. Но мужчина опередил ее.

– Скажите... Вейн, вы хотите стать женой моего брата?

– Вы задаете странные вопросы, – пробормотала она, не зная, как реагировать. – Конечно, я стану женой дера Лерана. Этого хотят наши семьи, дер Александр.

– Семьи. Да. А вы?

– Леран очень приятен мне. Уверена, что он станет мне хорошим мужем, виры очень добры ко мне.

Мужчина вдруг резко шагнул к ней. Остановился так близко, что Вейн разглядела, как расширились зрачки в его серых глазах. И почувствовала, как внутри снова поднимается волна неконтролируемого страха. И чего-то еще. Незнакомого, тягучего, словно патока, обволакивающего...

– А чего хотите вы, Вейн? – спросил дер Александр, наклоняясь и заглядывая ей в глаза.

Девушка осторожно отодвинулась. Ужас сжимал горло с такой силой, что мешал дышать. Она вдыхала короткими глотками, почти не чувствуя воздуха.

– Вейн, что с вами? – встревожился он. – Вейн?

Перед глазами все поплыло. Она судорожно сделала еще один вдох, но воздуха не было, и Вейн начала медленно оседать на пол. Мужчина подхватил ее, поднял на руки, торопливо шагнул к лестнице.

– Отпустите, со мной все... в порядке, – слабо запротестовала девушка.

Александр остановился и снова внимательно посмотрел на нее, но не отпустил.

– Я отнесу вас в вашу комнату, – сказал он. – Вероятно, вы еще слишком слабы после болезни. Не стоило подниматься на башню, здесь слишком крутые лестницы.

– Отпустите! – повторила девушка. – Не надо меня... нести. Это неприлично.

Он вдруг улыбнулся, и Вейн задохнулась. Улыбка совершенно меняла это холодное лицо, делая его удивительно привлекательным. Хотя девушка не могла не признать, что дер Александр был красивым мужчиной, и если бы не это чувство безотчетного страха, что он порой вызывал в ней, возможно, она сочла бы его гораздо интереснее Лерана.

– Не переживайте, лейна Вейн. Я никому об этом не расскажу.

– Но...

Он только крепче прижал ее к себе.

– Я не хочу, чтобы вы свалились где-нибудь посреди лестницы и свернули себе шею. Это будет очень негостеприимно с моей стороны, вы не находите? Прошу, не возражайте. Я все равно сделаю по-своему.

– Какая интересная манера просить, – буркнула Вейн.

Он снова улыбнулся и продолжил спуск по лестнице, без усилий удерживая ее на руках. И Вейн вдруг успокоилась. Волна дикого ужаса, что накрывала ее, так же внезапно отступила, и сейчас девушка уже не понимала, почему так испугалась. Она украдкой бросала взгляды на лицо мужчины, рассматривала серые глаза с прямыми черными ресницами, суровую линию подбородка и скул, четко очерченные губы, темные волосы... Александр встретился с ней глазами, и Вейн почувствовала, как он замер на миг. Внезапно захотелось, чтобы он остановился, остался тут, на темной лестнице, еще крепче сжал ее в руках, и... Что?

Он на самом деле остановился, склонился к ее лицу, заглядывая в глаза. Где-то на галерее хлопнула дверь, донесся звонкий смех Люси. Вейн словно очнулась, отвела взгляд и дернулась, высвобождаясь из его рук.

– Отпустите.

Странно, но он послушался, молча поставил ее на ступеньку. Девушка одернула платье и торопливо сбегала вниз, не оглядываясь. Александр за ней не пошел, или она просто не расслышала его шагов. Она достигла своей комнаты и захлопнула дверь, прислонившись к ней спиной. И нахмурилась, вспоминая свои ощущения на лестнице. Когда Александр склонился над ней, Вейн дико, просто до боли захотелось, чтобы он ее поцеловал. И в его глазах она разглядела ответное желание.

Мертвые земли

Антар

Вейн смотрела на него, не веря своим глазам. Все то же лицо с четкой линией скул и твердым подбородком, те же жесткие губы. Только серая радужка глаз обведена красным, почти багровым ободком. Она сглотнула. Как при таком голоде он все еще не набросился на нее?

– Значит, ты в Темном Мире... – медленно произнесла она.

– Как видишь, – усмехнулся Ксандр. – Но мы не будем сейчас обсуждать твою очевидную радость от этого события. К тому же ты в Антаре для другого. Мне нужна эри.

Вейн отвела глаза и скинула плащ. Стянула длинные, до самых плеч перчатки, обнажая руки. Протянула ему левую, не глядя. Почему-то привычный за много лет процесс сейчас вызывал у нее страх. Сущность эри всегда сопротивляется и в то же время жаждет... Она привыкла к этим ощущениям, к тому же, в них уже давным-давно нет ничего личного.

Ксандр сжал ее ладонь, и Вейн напряглась еще сильнее. Он усмехнулся. Прикоснулся губами к ее запястью, в том месте, где синела метка эри.

О, виры...

Вейн откинула голову, не сдержав вздох. Свет жизни тек толчками, колол кожу иголками. Его губы были теплыми. И слишком о многом напоминали... Она тряхнула головой, не желая вспоминать. И возмущенно зашипела, когда Ксандр сжал ее тело и припал губами к бьющейся жилке на шее.

Вейн закрыла глаза и начала считать.

Раз. Сила жизни течет потоком.

Два. Губы пересыхают.

Три. Дыхание становится рваным. Она незаметно пошевелила ладонью, развела пальцы, выпуская иглы. Все сразу.

Четыре. Тело слабеет... И все сильнее ждет продолжения...

Пять... Еще немножко – и остановиться будет сложно... Им обоим.

Он отпустил ее так резко, что Вейн пошатнулась.

– Неплохо, – сказал Ксандр. Багровый ободок вокруг зрачков побледнел, но они все еще были обведены красным. Значит, он все еще голоден.

– Ты хорошо себя сдерживаешь, – безразлично отозвалась Вейн, снова надевая перчатки и застегивая ворот. Мало кто из Темных мог остановиться, дорвавшись до источника жизни. Она убрала иглы, и Ксандр снова усмехнулся. Но что делать, порой только игла с парализующим ядом могла остановить Перерожденного. Или со смертельным. Если выбирать между своей жизнью и жизнью тех, кто ее пьет, Вейн всегда останавливались на своей. В конце концов, все знают правила.

И по тем же правилам Вейн не имела права задавать вопросы или вмешиваться в дела Темного. Но один она все-таки не могла не задать, хоть и знала, что будет за это наказана.

– Что ты отдал Тьме, Ксандр? – тихо спросила она.

Он повернулся, посмотрел прямо в глаза. И Вейн вздрогнула. Темный не ответил, просто улыбнулся, но девушке стало жутко от этой улыбки.

И направился к двери, приглашая следовать за собой.

Коридор тонул в темноте, света почти не было, только в конце тускло мерцал зеленый светящийся шар, отбрасывая на стены узкие тени. Вейн шла за мужчиной молча, напряженно рассматривая его спину. В ее голове билась тысяча вопросов, но она не задаст их, слишком хорошо зная, что за каждый приходится платить. Одно она знала точно: он не убьет ее... слишком быстро. Темному нужна эри, а Ксандр, судя по его состоянию, слишком долго не прикасался к силе жизни. Впрочем, ей это только на руку. Возможно, она останется единственной эри в Антаре, и тогда ее задача значительно упростится. Но поверить в такую удачу Путнице мешал опыт.

Она вспомнила темный зал с тысячей коридоров во Тьму и закутанную в плащ фигуру Смотрящего. Привычно не позволила этой мысли задержаться и оформиться в голове, пропустила ее, закрыв ничего не значащими образами и видениями. Она не знала точно, мог ли Ксандр читать ее мысли, но семь слоев Тьмы возле замка говорили о том, что стоит быть осмотрительнее.

И глухому отчаянию она тоже не позволила проникнуть в душу, безжалостно растоптав его в зародыше.

Они миновали коридор, ведущий к лестнице. Здесь было совершенно темно, и Вейн вздохнула. Темные не любили свет. К этому она уже привыкла, но порой даже ее это сильно раздражало. Так же, как и личи, которых они использовали в качестве прислуги. Один такой встретился им, со склоненной головой и совершенно пустыми глазами.

– Твои комнаты, – Ксандр распахнул дверь и остановился, пропуская Вейн вперед.

Она вошла и осмотрелась. Покои были декорированы в светлых тонах, и здесь горел камин. Да и ламп было достаточно, чтобы залить все помещение светом, если она пожелает. Ксандр позаботился о своей новой эри.

Вейн кинула плащ на кресло и повернулась к камину. Некоторые вопросы она все же могла задать.

– Что стало с прежней эри? – спросила она, снимая перчатки и протягивая руки к огню. После прикосновения Темного привычно знобило и хотелось согреться.

– Ее свет закончился, – ровно ответил он.

Вейн кивнула. Конечно, что же еще? Она промолчала и не повернула головы, продолжая рассматривать пляшущие языки пламени. Подавила невольный вздох. Нельзя спрашивать, нельзя...

– Ты знал, что приеду именно я? – тихо, очень тихо все же спросила она. И вздрогнула, когда его дыхание коснулось завитка волос у шеи. А ведь она была уверена, что он все еще стоит у двери.

– Ты ведь знаешь, что я могу наказать тебя за лишние вопросы, эри? – спросил Ксандр.

Вейн, не поворачиваясь, кивнула.

И он продолжил:

– Тогда будем считать, что два наказания ты уже заслужила. Нет, я не знал. Собственно, я давно тебя похоронил, Вейни... Так что это такой приятный сюрприз, дорогая.

Она резко повернулась и посмотрела ему в глаза. Сейчас он не скрывал своих чувств, и девушка вздрогнула, когда увидела то, что бесилось и выло в его серебряных глазах, обведенных красным ободком.

Значит, Тьме он отдал не все, кое-что все же оставил. Ненависть. Смертельную, разрушительную ненависть к ней.

* * *

Ксандр ушел. Вейн еще немного постояла у камина, греясь у огня, но дрожь не проходила. Девушка заставила себя отойти и подышать, как учил ее Дир. Закрыла глаза, сосредоточилась на своих ощущениях. Вдох – выдох. Вдох – выдох... Свет жизни течет по телу, ускоряясь и согревая, сердце успокаивается и уже не бьется в груди, словно подбитая в полете птица.

Вейн снова вызвала в памяти образ Дира – медовые глаза, привычную, чуть кривую усмешку... Зацепилась за образы, чтобы успокоиться. Потом прошлась по комнате, нарисовала на стенах знаки, поставила щит и рассыпала у двери белый песок. Вейн пока не знала, с какой силой ей придется столкнуться, но защита, по крайней мере, не позволит посторонним войти бесшумно. И если не спасет, то хоть предупредит.

Она отстегнула кинжалы, освободила рукава от шипов, из волос убрала бусины и камни, вытащила из голенища сапога метательные звезды и полумесяцы. Оставила только кольца и амулеты, с которыми не расставалась никогда. Сложила оружие на стол и придирчиво осмотрела. Со вздохом облегчения разделась, аккуратно убрав одежду и осмотрев все швы и потайные вкладки. Первое, чему стоит научиться после перерождения – это защищать себя. Иначе даже Тьма не спасет. Она научилась этому и делала это хорошо. Конечно, яд и металл не всегда помогали против силы Темных, но и у Вейн были сюрпризы для Перерожденных. По крайней мере, она все еще была жива, а это о многом говорило.

Увы, не всех Тьма награждала силой, некоторые и в Темном мире оставались товаром.

Вейн усмехнулась и качнула головой, отбрасывая ненужные мысли. Следить за сознанием было так же привычно, как и тренировать тело. Она потянулась. В комнате было тепло, и девушка быстро согрелась, так что даже без одежды сейчас не мерзла. Путница постояла, с удовольствием ощущая мягкий мех под босыми ступнями. Потом толкнула дверь купели и порадовалась предусмотрительности хозяина Антара. Круглая чаша была полна горячей воды, от которой поднимался пар. Годы жизни за Изломом не прошли бесследно, поэтому прежде чем спуститься по ступенькам, Вейн кинула в середину гладкий камушек и внимательно пригляделась. Камушек утонул, ни на миг не задержавшись на поверхности. Только тогда с довольным вздохом Вейн ступила в воду, легла в каменное углубление и закрыла глаза, позволяя телу расслабиться.

Раз. Два. Три... Пять...

Привычно отсчитала про себя минуты отдыха и села, потянулась за мылом и пахучими смесями для волос и тела. Выбрала любимый аромат – тонкий, с толикой горчинки. Неторопливо вымылась, ополоснулась, встала и потянулась за большой холстиной на притолоке.

И уже выходя из купели, посмотрела в запотевшее зеркало. Усмехнулась. Да, в купели было безопасно, но это не значит, что за ней никто не наблюдал. Но к этому эри тоже привыкла. В конце концов, все любят нарушать правила.

* * *

Ксандр отвел взгляд от мутной поверхности темного зеркала. Откинул голову на спинку кресла, пытаясь сдержать рвущееся дыхание. Тело Вейн почти не изменилось за семь лет. Лишь стало еще прекраснее. Разве что появились метки Тьмы, которых не было раньше, клеймо принадлежности, охранные знаки на плечах. И несколько шрамов на светлой коже. Он слишком хорошо помнил ее... Полная грудь, стройные бедра, длинные ноги... Шелк черных, как ночь, прядей. Теперь в эти волосы вплетены шипы, а ее тонкие пальцы украшены кольцами, в каждом из которых по смертельной игле.

Его сущность содрогнулась, когда туман коснулся нутра подъезжающей к Антару эри. Туман не видит оболочку, у него нет глаз. Туман зрит в суть. И эту суть он узнал сразу же. Не поверил, решил, что ошибся, что не может этого быть... Коснулся снова. Обвил кольцами, клочьями, плетями, до самой сердцевины ее черной души. Наблюдал, пока она ехала, спала, ела...

Это была она. Вейни...

Ксандр сжал зубы, пытаясь удержать рвущееся изнутри желание ворваться в ее комнату... и зубами разодрать в клочья эту нежную шею. Убить, уничтожить, успокоить ненависть и боль, что долгие годы сжигали его. Но ярость взметнулась и привычно погасла, задушенная темнотой. За эти годы он научился умирять ее. Насмешница Тьма любит своего Темного, раз сделала ему такой восхитительный подарок, и он сумеет достойно отблагодарить.

Александр улыбнулся. Впервые за семь лет в душе шевельнулось что-то, смутно похожее на человеческую радость. Хотя какая издевка... Души-то у него уже нет.

* * *

Вейн лежала в темноте, рассматривая узор теней на потолке. Тело молило об отдыхе, но уснуть не получалось. И она знала, что уже не удастся. Если приходила бессонница, то бороться с ней было бесполезно, легче просто смириться и постараться расслабиться, чтобы хоть немного отдохнуть. Она думала и прикидывала, пытаюсь просчитать хоть что-нибудь и найти выход. Но выхода не было. Вокруг Антара семь слоев Тьмы, которые ей никогда не пройти. А даже если бы она смогла это сделать, что дальше? Не для того она прибыла сюда, чтобы сбежать. Да и кто ей позволит?

Она подтянула колени к груди, сворачиваясь клубочком. Как ни старалась Вейн отбросить эти мысли, они снова и снова возвращались. Александр. Ксандр... Человек, которого она похоронила семь лет назад. Память о котором она вырвала с корнем, изничтожила в себе, выжгла... Она сделала так много, чтобы забыть о нем. Если бы она хоть на миг могла предположить, кого встретит в Антаре... То что?

Вейн не привыкла врать самой себе. Даже если бы она знала, что встретит здесь Ксандра, все равно приехала бы. Это не ее выбор и не ее решение, но Мастер обещал, что это будет в последний раз. Она горько усмехнулась. Что ж, Тьма последовательна. С чего все началось, тем и закончится. Как тривиально...

... Темный зал, закутанные в черные плащи фигуры.

– Призрак, – шелестит Мастер.

Вейн вскинула голову.

– Не уверена, что хватит сил, – сказала она. Вопросы задавать нельзя, но высказать сомнения – нужно.

– Ты единственная, у кого есть шанс, Путница, – ответил Мастер, и Вейн вздохнула.

Есть ли он у нее, этот шанс? А если и есть, не слишком ли он... призрачный? Она чуть улыбнулась своим мыслям.

– Не о том думаешь, – оборвал ее Мастер. – Да, ты единственная, у кого может получиться. К тому же он хочет самую сильную эри, а это, несомненно, ты.

Вейн задумалась. И уже готова была мотнуть головой, но Мастер не позволил ей этого.

– Если справишься, будешь свободна. И сможешь уйти за Излом, – пообещал он. – Вы оба сможете уйти.

Девушка замерла, не веря своим ушам. Уйти... неужели такое возможно? Оставить все на этой стороне, забыть, начать нормальную жизнь? Есть ли шанс?

– Ты знаешь, что мое слово нерушимо, – вновь прошелестел Мастер. – Так будет. Если справишься...

А если нет? Она тревожилась не о себе, собственная жизнь давно не имела значения, только его... что будет с ним, если Вейн погибнет? Ведь скорее всего так и случится...

Девушка промолчала, но вопрос повис в воздухе.

– Хорошо, – медленно произнесла она. – Я согласна. Последний раз.

– Тьма слышит, – отозвался Мастер.

Только под утро эри забылась тревожным сном. Проспала совсем недолго, но пробудилась, как обычно, на заре. Быстро умылась, достала из сумки чистые штаны и короткое платье-тунику с разрезами по бокам. Разложила оружие, собрала волосы и вышла в коридор.

Пора познакомиться с Антаром поближе!

* * *

Замок оказался большим и ожидаемо темным. Безмолвные личи скользили тенями и смотрели пустыми глазами. Первым делом она вышла во двор и решила найти конюшню, чтобы проведать свою лошадку. Верная Птичка встретила хозяйку довольным ржанием и с удовольствием приняла с ладони девушки угощение.

– Моя хорошая, – улыбнулась Вейн, поглаживая жесткую шерсть кобылки и внимательно осматривая загон. Впрочем, увиденное ее удовлетворило.

Из конюшни она отправилась в обход замка, определяя границы Тьмы. Незаметно начертила на стенах свои знаки, внимательно проследила, как быстро они истаяли на черном камне, и вздохнула. Да, все сложнее, чем она думала. Ну что ж... отступить Вейн не привыкла. Да и некуда.

Замок оказался огромным, за пару часов она не исследовала и половины. Но быстро поняла, что центральная часть – жилая, северное крыло – либо пусто, либо там проживает прислуга, а вот в южном крыле и башне, видимо, обитает сам хозяин. Попасть туда Вейн не смогла, как ни старалась, ее просто откинуло, да еще и приложило о камень так, что зазвенело в ушах.

Антар окружала стена, за которой темнел лес, облепленный все теми же ключьями тумана. Даже лучи утреннего солнца с трудом проникали через его белесую муть, словно не хотели освещать мертвые земли.

– А я тебя жду, – вдруг донесся откуда-то сбоку голос, и Вейн удивленно обернулась. Возле стены стояла девочка лет семи, смотрела лукаво, сжимая в руке палку. Путница склонила голову, рассматривая девчушку и не делая попыток приблизиться.

– А ты кто?

– Я Трини, – девчушка провела палкой по каменной кладке. – Я здесь живу.

– Ты живешь в замке? – изумилась Вейн. Надо же, ребенок здесь, в Антаре? Удивительно. Откуда она здесь взялась?

– Давно ты здесь, Трини?

– Давно, – вздохнула она. – А ты?

– Я приехала на вечерней заре, – Вейн приблизилась на пару шагов к девочке. – Раз ты здесь давно, может, покажешь мне замок? Я заблудилась.

– Я покажу, – важно отозвалась малышка. – Только туда нельзя ходить, – она махнула веткой в сторону башни. – Там целый слой Тьмы, может так ударить, что за стену улетишь.

– Я уже заметила, – пробормотала Вейн. – Тогда рассказывай, где можно.

Трини провела ее уже знакомыми коридорами, показывая, где гостиная, а где библиотека. Ничего нового Путница не узнала, но общаться с ребенком было забавно.

– А там живут Анариш и Хло. Они еду готовят. Только Анариш совсем не умеет кашу варить, прежняя эри жаловалась.

Девочка вдруг замолчала, а Вейн подобралась и напряглась. В центре комнаты, где они стояли, медленно появились клочья тумана, сгустились, уплотняясь в центре. Путница раскрыла ладони, и Трини ойкнула, увидев длинные иглы, что скользнули в пальцы эри.

– Убери свои игрушки, Вейн, – насмешливо сказал Ксандр, выходя из туманного нечто.

Трини снова ойкнула и унеслась из комнаты, даже не попрощавшись. Темный посмотрел на Путницу.

– Расстегни ворот, – приказал он.

– Я не люблю, когда к моей шее прикасаются, – ровно произнесла она и сняла перчатку с левой руки. Протянула ему запястье.

Миг – и он уже стоит рядом, прижимает ее к своему твердому телу.

– А я не люблю прикасаться губами там, где побывало множество губ до меня, – посмотрел он ей прямо в глаза. – Расстегни ворот, Вейн.

Она нахмурилась.

– Ты не имеешь права требовать этого, Ксандр, – холодно возразила. – Это мне решать.

– Ты ошибаешься. Это буду решать я, как и все остальное.

Он провел пальцем по ее щеке и сам расстегнул пуговицы на вороте ее блузы. Погладил кожу, обрисовал контур ключицы, не отрывая от нее взгляда. Вейн вздохнула и закинула руки ему на шею, прижала ладони к плечам. Иглы вошли в кожу все разом. Он дернулся, застыл, а потом усмехнулся.

– Неправильный ответ, – и губы Ксандра коснулись ее шеи.

Его губы были твердыми и сухими, такими же, как в ее воспоминаниях. Только сейчас он не целовал, а пил. Он вытягивал из нее свет жизни, каждым глотком высушивая почти полностью, до дна... И крепко держал одной рукой запястья, не давая дотянуться до клинков.

Чувствуя, как отказывает разум, Вейн сосредоточилась. Мысли тонули в вязком тумане, желание поддаться иссушающей силе Темного становилось непереносимым. Еще немного, и она сама с радостью отдаст ему дыхание и жизнь, станет личем, оболочкой... Она вздохнула и вспыхнула огнем, отбрасывая от себя Темного. Ксандр отлетел от нее, перевернулся через голову и приземлился на ноги. Растворился туманом, опал рваными серыми клочьями и тут же возник рядом. Но Вейн уже держала наготове свои клинки. Поворот – и оба кинжала проткнули его грудь. И почти сразу Путница сдула с ладони ему в лицо черную пыль.

Ключья тумана поползли по его телу, но зачарованные кинжалы не давали обратиться и сбросить оболочку, держали сущность Темного. Вейн отпрыгнула в сторону. Черная Смерть убивала быстро, и Ксандр упал, пытаясь вытащить из себя клинки. Через мгновение он замер на полу без движения. Путница приблизилась к нему на шаг. Потом еще на один. Неужели она его убила? Хм... Все же Вейн думала, что будет сложнее. Еще один шаг. В любом случае стоит удостовериться...

Она повертела в руках метательную звездочку и резко выбросила ладонь. Металл вонзился в ногу Ксандра. Он не шелохнулся. Вейн быстро оглянулась, прислушалась. Тихо. Она поставила на дверь охранку и щит, сейчас ей совсем не нужны случайные глаза и любопытные уши. Обернулась. Метнула сразу две звездочки, внимательно проследив их траекторию. Одна вошла в плечо Ксандра, вторая в бок. Он все так же не шевелился. Вейн вытащила из голенища сапога нож и поморщилась. Вот это она не любила больше всего, но что делать, Смотрящие всегда требовали доказательства выполненной работы. Да и Темные имели гнусную привычку возрождаться. А вот без головы это уже... сложно.

Она осторожно приблизилась к телу и ткнула его носком сапога. Снова прислушалась. Дыхания не уловила и тока силы – тоже. Села ему на грудь, потянула за темные волосы, открывая шею и стараясь не смотреть в глаза. Но все же не удержалась, взглянула. Все-таки выпил он из нее достаточно, даже красный ободок вокруг зрачка пропал. Вейн замерла, рассматривая его лицо. Четко очерченные губы, твердый подбородок. Длинные черные ресницы. Тонкий шрам на виске, которого раньше не было. Расплавленное серебро его глаз.

Она закусила губу. Внутри словно все свернулось в тугой жгут. Хотелось закричать или заплакать. Но она не могла себе позволить ни того, ни другого. Да и разучилась она. Так что надо просто... завершить начатое.

Путница занесла руку с ножом и застыла. Он так и не пошевелился, даже бровью не повел, но в его глазах явственно дрожала насмешка.

– Ну же, Вейн, – спокойно произнес он, – что же ты остановилась?

Ее кинжалы выскочили из его груди и отлетели в сторону, туда же последовали звездочки.

– Шантар! – выругалась Путница и хотела вскочить, но он лишь повел ладонью, и девушка упала, не в силах пошевелиться.

Ксандр приподнялся, сбросил ее с себя и лениво прижал к полу.

– Как интересно. Ты не можешь причинить мне вред, если я не позволю. Я позволил. Скажи, мне показалось, или ты собиралась отрезать мне голову? Надо же, какая своевольная эри мне попалась, – он говорил и неторопливо расстегивал на ней одежду.

Вейн выгнулась, но сбросить путы так быстро не смогла. Силы вернулись, но Путница замерла, не желая раньше времени демонстрировать свои возможности. Черная смерть, что она сдула Ксандру в лицо, не подействовала совершенно, значит, стоит повременить и понаблюдать. Она и не ожидала, что будет легко, а теперь знала это наверняка.

Он расстегнул ей тунику, обнажая грудь, прочертил теплую дорожку от шеи до груди.

– Не надо.

– Почему же? Скажи, почему я должен остановиться? – он поднял голову, посмотрел ей в глаза.

– Не хочу, – сказала она.

Силы восстановились, и она пошевелила кончиками пальцев, незаметно сбрасывая его магию. Ксандр рывком встал и чуть брезгливо поморщился.

– Не переживай, ты мне не интересна. Но вот твоя способность так быстро восстанавливаться и сбрасывать путы – занимательна.

– Собираешься убить меня? – Она уже тоже стояла на ногах. Повела рукой, призывая кинжалы и не спуская с мужчины настороженного взгляда. – Поквитаться решил?

Он не ответил. Прошелся по комнате, словно и забыл о ее присутствии. Но когда Вейн уже собиралась уйти, решив, что так и не дождется ответа, Ксандр заговорил, не поворачиваясь в ее сторону.

– У тебя интересные клинки. И огонь. Откуда? Ты ведь обычная эри, я чувствую силу жизни.

Она толкнула дверь.

– Ты ведь помнишь, что я могу не отвечать, если не хочу? – с насмешкой бросила через плечо и вышла.

На сегодня хватит. Темный сыт, и эри ему пока не нужна. А вести с ним беседы просто ни к чему. Кроме того, все, что хотела, она уже узнала. И поняла, что обычными способами с ним не справиться. Ну что ж, придется проявить фантазию!

Но уйти Вейн не успела. Ксандр догнал ее и дернул за руку.

– Я выбрал наказание, – сказал он. – Ты ведь не забыла, что нарушила правила? Я хочу посмотреть воспоминания.

Она застыла. Воспоминания? Открыть ему разум, впустить в свои мысли, в самые сокровенные уголки памяти? Практически в душу?

– Нет, – отрезала она. – Наказание несоизмеримо с нарушением. Читай Кодекс, Ксандр. Можешь даже подать на меня жалобу Смотрящим. Воспоминания я для тебя не открою.

Он вдруг откинул голову и рассмеялся.

– Читать Кодекс? Вряд ли мне это нужно, я ведь сам его написал. Могу и переписать, кстати. Хотя не нужно, я оставил там массу лазеек. Например, ты ведь помнишь, что означает дать Клятву Жизни? Ты не можешь мне сопротивляться, эри, не можешь сделать того, чего я не захочу. И исполнишь все, чего я пожелаю. И твою лояльность своему харису я уже проверил. Она удручает.

– Ты написал Кодекс? – опешила она. Хотя, чему тут удивляться... Это вполне возможно. Может, поэтому она здесь? Смотрящим не понравилась усиливающаяся власть Антара?

Вейн так удивилась, что даже не сразу осознала, о чем он говорит. Клятва Жизни... конечно. Клятва впечатывается в самую суть, полностью подчиняя хозяину. И если Ксандр прикажет открыть воспоминания, эри должна будет подчиниться.

– Ты не посмеешь, – холодно произнесла она, в упор глядя в его серые глаза.

– Почему же? – кажется, Ксандр забавлялся.

– Только попробуй влезть в мою голову, – прошипела Вейн. – Сделаешь это и останешься без эри! У меня достаточно силы, чтобы закончить эту жизнь в один миг. Мою жизнь. А пока в Антар прибудет новая, ты станешь Одичалым. Или тебе придется покинуть слои Тьмы и выйти в мертвые земли, где так много желающих пообщаться с Призраком. И никто из них Клятву Жизни тебе не даст. Хочешь?

– Твои воспоминания так ценны, что ты готова умереть, но не показать их?

– Я готова умереть, но не позволю тебе или кому-то еще копаться в моей душе, – глухо отозвалась Вейн. – И, пожалуйста, больше не прикасайся ко мне, Темный. Это неприятно.

– А у тебя есть душа, Вейни?

– Меня зовут Путница.

Она вырвала руку и, резко отвернувшись, зашагала по коридору, прислушиваясь к звукам за спиной. Но все было тихо, Ксандр за ней не последовал.

Вейн вышла во двор, глотнула сырого воздуха, невидящим взглядом рассматривая верхушки сосен, что темнели за каменной стеной. Конечно, она блефовала, и умирать вовсе не собиралась. Воспоминания... Их она не отдаст никому. Потому что это единственное, что у нее осталось, единственное, что

сохранилось от той, настоящей Вейн. Она не любила вспоминать, не позволяла себе думать о прошлом, но иногда... очень редко, отпускала память. И тогда они приходили к ней: воспоминания. Дни, минуты, часы, словно сверкающие крупички в колбе песочных часов, крохотные кусочки ее жизни. Песок – для всего мира. Драгоценности – для нее. В них была радость, счастье, и был тот, ради кого она хотела жить. Самый дорогой, любимый, необходимый, как свет жизни. Тот, без кого она уже давно словно лич – пустая бесчувственная оболочка без души и чувств.

Вейн решительно тряхнула головой. Нет, сегодня не тот день, когда она может себе позволить расслабиться и вспомнить. Нужно подождать. Пока здесь только Путница со всеми своими масками. Только эри. Та, которая умерла и приняла Тьму. Та, которая должна сильно постараться, чтобы иметь право вспоминать.

Она привычно вогнала в ладонь иглу, и боль прошила насквозь, заставляя зашипеть сквозь зубы. Но голова вмиг стала ясной, а чувства успокоились. Если повторять этот трюк много лет подряд, тело привыкнет реагировать правильно. И сознание тоже. Путница спрятала иглу и решительно двинулась вдоль стены, намереваясь дальше исследовать замок. Заодно можно познакомиться с местными обитателями. Как говорит Дир – врагов надо знать в лицо. А свое – тщательно прятать под маской.

* * *

Ключья тумана стянулись с одну точку и уплотнились. Ксандр задумчиво проводил взглядом удаляющуюся девушку. Первый раз за много лет он с трудом удержал сущность. Она рвалась из тумана, уплотнялась, не подчиняясь его воле, торопилась вернуться в тело. Потому что он разозлился. Ярость ужалила плетью, когда он почувствовал эмоции Вейн. Любовь... Она любила. Сильно и трепетно, беззаветно и яростно, до боли, до безумия! Любила кого-то за пределами Антара, в Мертвых землях. Любила и тосковала. Ксандр пил ее эмоции только миг, но и этого хватило, чтобы почти потерять контроль, потому что таких сильных чувств он не ощущал с тех пор, как умер.

Далькотт

За пару дней Вейн окрепла окончательно и почти забыла о своей болезни. Но почему-то продолжала на нее ссылаться, чтобы не сидеть за общим столом и обедать в своей комнате. Леран выглядел обеспокоенным и порывался вызвать какого-то прославленного лекаря, что проживал за Перевалом. Девушка несколько раз отговаривала его, объясняя свое состояние всего лишь сменой климата.

– Право, Леран, не стоит, – говорила она. – Вы ведь знаете, лейны подвержены мигреням. Скоро все пройдет, не переживайте. И спасибо, что тревожитесь обо мне.

– Конечно, я тревожусь! – отвечал Леран. – Так нам придется откладывать церемонию до самого лета. Боюсь, мистрис Алесс нам этого не простит, ей уже порядком надоели наши холода.

Вейн улыбалась, но мысли ее были далеко.

– Я хотел предложить вам прогулку в долину, но теперь не уверен, что вам стоит с нами ехать, – сказал Леран.

– А куда вы собрались? – оживилась Вейн.

– На ярмарку. Там бывает очень весело, поверьте мне. Люси уже загорелась идеей купить пуховые шали, она говорит, что в Таларе таких нет. А Ксандр хочет посмотреть оружие, за Перевалом живут настоящие ремесленники, их клинки даже в столице ценятся на вес золота.

Вейн опустила взгляд.

– Боюсь, я еще недостаточно окрепла для такой поездки, – пробормотала она.

– Понимаю, – вздохнул Леран. – Что ж... Если хотите, я станусь с вами... С тобой. Или можно и вовсе отложить эту прогулку!

– Что вы! Леран, не надо, Люси расстроится. Ведь я увижу еще много ярмарок в этой долине, а она после обряда покинет Далькотт. Пожалуйста, Леран, отправляйтесь и не волнуйтесь обо мне. Я с удовольствием проведу время за

чтением книг. А вы привезете мне с ярмарки гостинец, договорились?

Он прикоснулся мягкими губами к ее запястью.

– Вы так великодушны, Вейн. Мне с вами очень повезло.

– И мне с вами, Леран, – улыбнулась девушка.

И вздохнула с облегчением, когда дверь за ним закрылась. Потом постояла у окна, наблюдая, как удаляются от ворот замка всадники. Обе мистрис тоже отправились в долину, правда, в экипаже, а не верхом. Видимо, и им надоело сидеть взаперти. Да и погода благоприятствовала прогулке. Стояло тихое солнечное утро, снег сверкал и переливался, словно сахарная пудра на печеном кренделе.

Вейн отвернулась от окна и сняла надоевшую шляпку. Расплела косы, пропуская сквозь пальцы темные пряди, откинула их за спину и улыбнулась. Дома она часто носилась в полях с распущенными волосами, но здесь приходилось соблюдать приличия и вести себя достойно. И от этих приличий у Вейн уже сводило скулы! А от туги стянутых кос болела голова и хотелось заорать. Но мистрис Алесс строго блюла обычаи, зная любовь своей воспитанницы к вольностям.

Поэтому сейчас Вейн улыбалась, предвкушая несколько часов желанной свободы. И пусть она не попала на ярмарку, зато сможет провести время так, как ей хочется.

Девушка слетела по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, и ворвалась в музыкальный зал. Она покружила, раздумывая, чего ей хочется больше всего. И решила начать с танцев, все-таки это всегда помогало отбросить дурные мысли. Самым лучшим средством, конечно, являлась скачка на ее любимой лошадке, но, увы, сейчас это было недоступно.

Улыбаясь, Вейн открыла музыкальную шкатулку. А когда по комнате поплыли звуки музыки, раскинула руки, сбросила туфли и закружилась. Мелодия оказалась знакомой. Девушка знала эту песню и принялась напевать, а то и просто мурчать себе под нос, ощущая, как улучшается настроение! Вейн даже подумала, что совершенно правильно отказалась от поездки, все-таки

возможность потанцевать в свое удовольствие дорого стоит! В конце концов, ей всего девятнадцать, и она уже до одури устала вести себя правильно!

На последних аккордах Вейн подпрыгнула, взмахнула руками и рассмеялась. Развернулась и... увидела смеющиеся серебряные глаза хозяина Далькотта! От неожиданности Вейн совсем не благородно ойкнула, смутилась и тут же разозлилась.

– Дер Александр! Вы разве не знаете, что подглядывать некрасиво?

– Я не знал, что подглядываю, лейна Вейн, – с улыбкой ответил он. – Просто услышал музыку и зашел посмотреть, кто здесь веселится. А вы меня удивили, лейна.

Он окинул ее насмешливым взглядом, и Вейн вдруг очень четко осознала, что стоит босиком, в одних суконных чулках, с растрепанными волосами, наверняка – покрасневшая. Как простолюдинка, право... Стыдно!

– Вейн, перестаньте, – он подошел ближе, провел пальцем по краю музыкальной шкатулки, и песенка зазвучала вновь. – Вы были такой искренней в танце, не стоит портить это лицемерным смущением. Которого вы, к тому же, совсем не испытываете.

– С чего вы взяли? – растерянно пробормотала она.

– Вижу. Вы просто осознали, что должны смутиться и даже покраснеть, но на самом деле вовсе не испытываете этих чувств, не так ли? – дер Александр посмотрел на нее через плечо.

– Я... я... Я не знаю. Наверное, вы правы, – чуть улыбнулась Вейн. – Хотя это странно осознавать.

– Иногда я думаю, что наша жизнь была бы куда проще, если бы мы перестали прятаться за нормами и правилами. Вы так не считаете?

Вейн осторожно пригладила растрепавшиеся волосы.

– Я не знаю, дер Александр, – растерянно пожала она плечами. – Я никогда об этом не думала.

Он оторвался от созерцания шкатулки и подошел к Вейн. Протянул руку и сжал в ладони темную прядку ее волос, намотал на палец. И улыбнулся, рассматривая девушку.

– Нормы, правила, ярлыки... Они сильно усложняют нашу жизнь, Вейн, – негромко произнес мужчина и чуть потянул ее волосы.

Девушка переступила ногами, не понимая, что он делает.

– Разве можно скрывать за чопорностью такую живую натуру, как ваша... Это просто преступно. Я хотел бы увидеть, какая вы настоящая.

– Зачем? – тихо спросила она. Он стоял так близко, что Вейн видела, как расширяются зрачки в его глазах, чувствовала тепло его тела.

Александр выпустил прядь и убрал руку, чуть задев пальцами щеку девушки.

– Это доставило бы мне удовольствие, – мягко ответил он. И взял ее ладонь: – Потанцуете со мной, лейна Вейн? Если я вас смущаю, могу тоже разуться.

Она ошарашенно посмотрела в его смеющиеся глаза и тоже улыбнулась. И кивнула. Почему бы и нет? Вейн вложила свои пальчики в его ладонь и сделала шаг, повинаясь его рукам и музыке. Он хорошо вел, легко придерживая ее за талию и сохраняя между ними расстояние, требуемое все теми же приличиями. Шаг, второй, поворот. Шаг, назад, поворот! Снова шаг... и поворот!

Солнечный свет падал на светлые доски пола яркими квадратами, и танцующие скользили из света в тень. Из тени на свет. Словно фигуры на доске желаний, в которую играют дети. Светлый квадрат. Темный квадрат. Кто победит в этой игре, исполняет желание...

Шаг, поворот, шаг.

У Александра теплые руки и серебряные глаза, у Вейн снова растрепались волосы. Он смотрит на нее, не отрываясь, и внутри девушки рождается странное чувство, которому нет названия. Это похоже на страх и ожидание.

Шаг и вперед.

Поворот.

Шаг.

И назад. Поворот.

Музыка смолкла, и Вейн застыла. Голова кружилась. Мужчина легко коснулся губами ее ладони.

– Спасибо, – тихо произнес он.

– А... а разве вы не поехали на ярмарку? – запоздало вспомнила девушка.

– Нет. Я вернулся, когда понял, что вы остались в замке, – спокойно сказал Александр.

– Но...

Он усмехнулся.

– У меня есть плохая привычка, Вейн.

– Какая? – у Вейн вдруг испуганно заколотилось сердце.

Мужчина мягко положил ладони ей на талию и прижал к себе.

– Получать то, чего хочу, – тихо сказал он и поцеловал девушку.

Вейн дернулась в его руках, но он лишь прижал ее крепче. И нежно тронул ее губы, легко, почти неощутимо. Его руки скользнули по телу девушки, и левая

ладонь легла на ее затылок, придерживая и осторожно поглаживая, перебирая темные пряди. Ксандр нежно целовал ее, не желая испугать, лишь чуть прикоснулся к ее губам, не стремясь проникнуть внутрь. И вдруг замер, сжал ее чуть сильнее, и Вейн инстинктивно попыталась вырваться. Мужчина глубоко вздохнул и разжал руки, вглядываясь в ее лицо.

Вейн вскинула голову и отвесила ему звонкую пощечину.

– Да как вы смее! – выдохнула она.

Он неотрывно смотрел на ее губы, потом медленно перевел взгляд на глаза. То, что она ударила его, Александр, кажется, даже не заметил. И если бы не красное пятно на его щеке, Вейн сама бы подумала, что сделала это лишь в своем воображении – настолько неподвижно он стоял.

– Вы... вы... – возмущенно начала она, чувствуя, как дрожат губы. Стало почему-то ужасно обидно, только она не понимала – отчего. Внутри дрожало что-то злое и темное, хотелось ударить мужчину еще сильнее.

– Я вас напугал, – медленно произнес Александр, хотя в глазах его не было ни капли раскаяния. Только легкое удивление.

Она поспешно отошла от него, до хруста выпрямив спину.

– Вы меня не напугали, дер Александр, – как можно холоднее ответила Вейн. – Вы меня возмутили. Все эти разговоры о столь ненужных правилах и приличиях были для чего? Чтобы совратить нареченную своего брата? Это подло и мерзко. Скоро состоится церемония и я... вы... мы...

Она все-таки сбилась, вспыхнула, схватила свои туфли и выскочила в коридор.

Вейн пронеслась по лестнице и галерее так, словно за ней гналась сама Тьма. Влетела в свою комнату и в ярости швырнула туфли о стену. Каблук на одной туфельке надломился и треснул, и это окончательно расстроило девушку. Она опустилась на пол, пытаясь сдержать слезы и не понимая, что именно ее так расстроило. Поцелуй? Так она и раньше целовалась. Конечно, тайком от родителей и даже Люси... Но ее как-то поцеловал сын соседского дера, Рауль. С

ним они частенько дрались в детстве, но вырос он вполне привлекательным парнем. И неровно дышал к Вейн, так неровно, что даже грозился выкрасть ее и тайно обручиться, хоть и знал прекрасно о состоявшемся еще в детстве наречении. Да и сам Рауль тоже с детства был помолвлен с дочерью какого-то дера из соседних земель.

Конечно, Рауль ее так и не выкрал, зато как-то поймал в темном коридоре, когда мистрис были увлечены беседой за чашечкой душистого чая, и попытался засунуть язык ей в рот. Вейн сопротивлялась, но больше для вида, потому что ей было любопытно, как это – целоваться. А Рауля она знала с детства, ничуть не боялась, так почему бы не удовлетворить свою любознательность? Исключительно в исследовательских целях, конечно!

Впрочем, изучение сего процесса девушку сильно расстроило. Ничего похожего на чувства, описанные в скандальных книгах дера Оливьера, которые она читала тайком от отца, Вейн не испытала. Напротив, было противно и гадко, когда язык Рауля начал быстро ощупывать ее рот, всовываясь так глубоко, что Вейн едва не задохнулась. Так что оттолкнула парня она с чувством глубокого разочарования. Потом они еще пару раз повторяли попытку, но каждый раз девушка убеждалась, что приятнее не становится, и по-прежнему не видела в этом процессе ничего хорошего.

Зато сегодня, когда теплые губы Александра прикоснулись к ее губам, а его руки сжали тело... Вейн закрыла глаза, вспоминая. Она испытала не только то, что описывал дер Оливьер, а гораздо, гораздо больше. Она даже не думала, что легкое касание мужских губ может заставить тело до такой степени ослабеть и задрожать. И именно это ее испугало – то, насколько сильно захотелось обвить руками его шею, прижаться крепче, почувствовать его всей своей кожей, всем телом... обнаженным телом.

Вейн в ужасе прижала руки к горящим щекам. О, виры! Да она хуже продажных девок, о которых ей рассказывала тайком старая Бета, и участью которых пугали девочек из благородных семей! Позор, какой позор! Она желала чужого мужчину, постороннего, хуже того, брата своего жениха! В то время как к самому Лерану не испытывала ровным счетом ничего, кроме легкой симпатии!

Девушка сжала зубы, приказывая себе успокоиться. Это ничего не значит. Все произошедшее в музыкальном зале просто... ошибка. Она не знала, для чего Александр сделал это, возможно, поддался порыву? И конечно, Вейн не станет

рассказывать об этом ни мистрис, ни даже Люси. Она постарается забыть. В конце концов, это всего лишь поцелуй. Даже не поцелуй, а так, легкое прикосновение губ. Ничего страшного.

Когда в комнату ворвалась румяная с мороза Люси, Вейн все еще сидела у окна, задумчиво рассматривая заснеженные просторы. Сестра схватила ее за руки и закружила по комнате.

– Вейн! Ну перестань хмуриться! У тебя испортится цвет лица, и появятся морщины. И Леран тебя бросит. Посмотри, какой чудесный день! Ты даже не представляешь, как в долине здорово! Какие там продают украшения! А деревянные поделки! А камни! А шелка! Даже из-за Перевала приезжали торговцы! Ты все пропустила со своей хворью!

Люсинда затанцевала по комнате так, что шляпка сбилась набок и золотые кудри чуть растрепались. Румяное лицо в обрамлении розовых лент выглядело сегодня на редкость привлекательным. Впрочем, Люси всегда была красавицей, и невозможно было удержаться от улыбки, глядя на ее щечки с ямочками и яркие голубые глаза. Ворох желтых и сиреневых юбок кружился вокруг ее ног, и Вейн поневоле залюбовалась Люси, схожей с ярким и свежим весенним цветком.

– Рада, что ты хорошо провела время и повеселилась! – рассмеялась она и потянула носом. – Ого, Люси! Ты, кажется, попробовала хмель?

– Совсем капельку! – сестра ничуть не смутилась. – Леран сказал, что в северных землях хмель дают даже юным девушкам, потому что без него можно замерзнуть насмерть!

– Ну да? – усомнилась Вейн. – И что на это сказала мистрис Алесс?

– А мы ей не рассказывали! – Люси хитро подмигнула сестре, бросила шляпку на кресло и плашмя упала на кровать. – Ах, Вейн! Мне так хорошо-о-о-о!

– Да ты просто пьяна! – возмутилась Вейн. – И сними сапоги, я на этой кровати вообще-то сплю!

– А ты просто зануда, Вейнитта! – резюмировала Люси, даже не подумав подняться. – Кстати, Леран, оказывается, гораздо богаче, чем думали мама с папой! Если бы они увидели бесконечные стада овец, которые принадлежат Далькоттам! Ты знаешь, что в горах есть пастбища, где даже зимой растет трава? Представляешь? А долина? А озера? Это все принадлежит Далькоттам, до самого Перевала! Если бы папенька это узрел, его хватил бы удар от мысли, что он слишком дешево тебя продал!

Она засмеялась, а Вейн обхватила себя руками, почувствовав озноб. Радостное оживление, что принесла с собой сестра, схлынуло, оставив привычную горечь. И вроде нет причин для грусти, ей повезло – достался хороший молодой жених, богатый и красивый. Радоваться надо, а она все печалится! Но все же... Все же. Да, такие обручения – обычная практика, но вот та же Люси все еще ни с кем не связана, родители не хотят ее неволить, хотя к златокудрой красавице выстраивалась очередь из женихов с тех пор, как ей исполнилось двенадцать. Но стоит отцу заикнуться о том, что пора и определиться, как мама закатывает глаза и бледнеет, и родитель сдается, лишь с любящей улыбкой треплет Люси по щечке.

– Успеется, – неизменно говорит он с улыбкой. – И правда, пусть наше солнышко еще посияет в родительском доме!

Вейн вздохнула, отвлекаясь от грустных мыслей. Нельзя гневить небо и роптать. Пусть родители сделали выбор за нее, но они уготовили ей прекрасную судьбу. Ну а то, что маменька перед отъездом строго-настрого запретила ей возвращаться и наставляла во всем и беспрекословно слушаться мужа – это, конечно, мелочи...

И снова помимо воли она вспомнила последние дни в родительском доме...

– Терпи, – поджав губы, наказала ей мать перед отъездом. – Это долг жены, терпеть и смиряться. Так что и ты смиришься, Вейнитта. А в Талар возвращаться не смей. Теперь твой дом – Далькотт.

И отвернулась, чтобы дать наставления Люси, которая переживала, достаточно ли у нее с собой платьев. Родители не хотели отпускать младшую дочь, но Люсинда, как обычно, настояла. Она всегда умело вертела родными, улыбаясь так, что те не могли ей ни в чем отказать.

– Перерожденная сказала, что мне надо ехать с тобой, – жарко шепнула как-то ночью сестра, забравшись к Вейн под одеяло.

– Люси, ты такая большая, а все веришь в эти небылицы, – пробурчала Вейн. – Глупости! Никакая она не Перерожденная, просто старая шарлатанка, которая зарабатывает на таких романтических дурындах, как ты и твои подружки! Хватит уже к ней бегать, если отец узнает...

Люси пренебрежительно фыркнула.

– Она настоящая, Вейн! Ты просто ее не видела! Перерожденная... Жуткая, до мурашек. Космы седые, до самых пяток, заплетены в косички, глаза черные, словно у нежити! Хотя она же и есть нежить...

– Глупости! – уверенно сказала Вейн и отпихнула сестру, чтобы та не дышала ей в ухо. – Все знают, что Перерожденным запрещено жить по эту сторону Излома. Если бы она была Темной, ее давно отправили бы в Мертвые Земли или просто отрезали голову. Так что она точно шарлатанка.

– Так ее не могут поймать, – уверенно заявила Люси и раскинула руки, не смущаясь, что занимает большую часть кровати сестры. – Она же туман, сумрак. Захочет – появится, пожелает – исчезнет. Захочет – станет сном, кошмаром, подождет, пока ты уснешь, заползет в твою голову и... как схватит!

Она подпрыгнула на кровати и оседлала сестру.

– Как задушит!

– Прекрати! – Вейн расхохоталась, пытаясь отпихнуть от себя Люсинду, но мешала длинная ночная сорочка, что опутывала ноги и сковывала движения. – Слезь с меня, ненормальная!

Люси тоже захихикала, чуть сбившись с роли, но с сестры не слезла, продолжая на ней прыгать и вещать замогильным голосом:

– Я знаю все твои тайны, Вейнитта-а... Я пришла совершить возмездие... у-у-у-у...

– Сумасшедшая! – задыхаясь от хохота, прокричала Вейн.

Сестра, наконец, успокоилась и, скатившись, снова разлеглась, раскинув руки.

– Она точно Перерожденная! – заговорила она, отдышавшись. – И она сказала, что мне нужно ехать с тобой в дальний северный край. Так велит Тьма.

– Конечно, Тьма – отличный советчик! – съязвила Вейн. – Лучше бы ты слушала, что говорят виры, они хотя бы за людей, а не за Темных.

– Но и общаться с людьми виры не спешат, – заметила Люси. – Разве что со жрицами, а с обычными прихожанами они не слишком-то разговорчивы! Зато вот Тьма – пожалуйста. Только попроси лучше!

– Люси! – Вейн чуть испугано прислушалась. – Если тебя услышит мистрис Алесс, нам обеим влетит! И даже твоя жалостливая улыбочка не поможет! А еще вероятнее, что больше всего попадет мне – за то, что я, как старшая, тебя вовремя не отдернула! Так что помолчи, пожалуйста!

Сестра в ту ночь больше не приставала с кощунственными разговорами, но идея отправиться с Вейн в Далькотт ее не покинула. И она все-таки смогла убедить родителей отпустить ее. Впрочем, в этот раз Вейн была рада настойчивости сестры – ехать в чужие края, в неизвестность, да еще и совсем одной – ей было боязно. А пока рядом Люси создавалась иллюзия, что они просто в гостях и когда-нибудь вернутся в родной дом.

Вейн снова вздохнула и решительно мотнула головой. Все, хватит! Надо привыкать, что теперь ее дом здесь. В конце концов, ей действительно повезло, вон даже Люси в Далькотте понравилось! И пора уже поближе познакомиться со своим будущим мужем, а не прятаться в своей комнате, избегая общения. Ведь обратной дороги все равно нет.

* * *

Следующим утром мистрис Алесс разбудила сестер еще до восхода солнца. Люси по детской своей привычке снова уснула рядом с Вейн, благо, кровати в Далькотте были гораздо шире, чем в их родном доме. И недовольно заворчала,

когда мистрис решительно раздвинула гардины.

– Просыпайтесь, сони! – громко сказала она и стянула с сестер покрывало. – А ну живо!

– Мистрис Алесс! – чуть ли не взвыла Люси, но глаза не открыла.

Вейн обреченно вздохнула и села в кровати, по опыту зная, что их попечительница все равно не отстанет.

– День Света! – торжественно провозгласила мистрис.

– Каждый месяц повторяется этот День Света, – непочтительно пробубнила Вейн и вздохнула. – Да встаем мы, встаем! Люси, просыпайся.

– Жду вас внизу, лейны, – пропела мистрис и так же торжественно удалилась.

Люси сразу же снова укуталась в одеяло.

– Ты ведь знаешь, что это не поможет, – с сожалением сказала ей сестра. – Лучше встать самой, пока Алесс не примчалась с кувшином холодной воды.

Сестры слажено охнули, вспомнив, как безжалостная мистрис порой будила их дома. День Вир наставница истово чтит, несмотря на то, что повторялся он с утомительной регулярностью.

Люси села на кровати и отчаянно зевнула.

– Ну почему надо воздавать хвалу вирам на восходе? – простонала она.

– Потому что виры – это лучи солнца и любви, – поучительно ответила Вейн, расчесывая свои темные волосы. – И ты прекрасно это знаешь! Давай, Люси, просыпайся. Алесс ждать не любит. Ты же не хочешь, чтобы она отходила нас хворостиной на глазах у Лерана и... его брата?

Такая перспектива заставила Люси охнуть и, резво соскочив с кровати, кинуться в купальню. Вейн только хмыкнула, проводив ее взглядом.

На этот раз они не опоздали, даже Люси собралась на удивление быстро. А Вейн и вовсе лишь умылась, стянула волосы в тугий низкий пучок, надела темно-зеленое платье и маленькую шляпку с пером и вуалью. Сестра нарядилась в яркое сиреневое платье, но лицо прикрыла, как того и требовал поход в храм.

– Лейны! – внизу их уже ждал улыбающийся Леран. Он поклонился, приветствуя их, и повернулся к Вейн: – Сегодня вам лучше? Жаль, что вчера вы не смогли посетить с нами ярмарку! Люсинде она очень понравилась.

– Да, сестра рассказала мне со всеми подробностями, – улыбнулась девушка. – Действительно, жаль. Но надеюсь, у меня еще будет такая возможность.

– Несомненно. Думаю, эти ярмарки еще успеют вам надоесть, лейна Вейн, – рассмеялся Леран.

– Солнце не будет ждать! – с легким возмущением напомнила наставница.

– Конечно, мистрис Алесс, уже идем, – отозвался Леран.

Вейн оглянулась.

– А дер Александр с нами не едет? – как можно безразличнее спросила она.

– Брат еще вчера отправился на Перевал, у него там дела, – ответил жених. – Даже на ярмарку с нами не поехал.

– Понятно, – пробормотала девушка и положила руку на любезно предложенный локоть Лерана.

Морозный воздух мигом прогнал остатки сонливости и отчистил разум. Звезды на небе ярко сияли – синие, словно драгоценные камни. И только на востоке уже бледнели, оповещая о начале нового дня и восходе солнца.

Сестры и наставницы поехали в экипаже, Леран – верхом. На подходе к храму уже ожидали люди и зажженные светочи – символы солнца и тепла мягко горели множеством желтых точек. Сверху, с дороги, казалось, что в долину слетелись светлячки. И на фоне снега это выглядело необычно и красиво.

Несмотря на то, что Вейн наблюдала эту картину бесчисленное количество раз, она все равно замерла в восхищении, замороженная торжественной красотой.

– Вейн, прикрой занавесь, дует, – недовольно пробурчала Люси, кутаясь в меховой плащ.

Вейн со вздохом опустила плотную ткань.

Скоро экипаж свернул и остановился неподалеку от храма. Девушки вышли и с любопытством осмотрелись. Вейн особенно внимательно, ведь именно в этом храме произойдет самое счастливое событие в ее жизни – обручение с нареченным. С Лераном. Она попыталась представить, как будет подниматься по этим ступенькам, облаченная в красное платье и золотые браслеты, с тяжелым покровом на голове. А возле огня будет стоять Леран, одетый в серебряную хуту – ритуальный наряд мужчины, похожий на длинное женское платье с широкими рукавами.

И вот идет она по храму, сияют светочи, тихо поют жрицы, славя вир и прося у них счастья и любви для обрученных. И Вейн движется вперед и видит в глазах нареченного улыбку и...

– Вейн! – возмутилась сестра. – Долго ты будешь стоять? Пойдем уже, холодно!

– Иду, – вздохнула девушка. Даже представить собственное обручение не получалось.

Храм оказался огромным и был гораздо красивее того, что стоял в Таларе. Белые стены мягко светились в предрассветном сумраке, а множество желтых камушков образовывали замысловатые узоры вокруг витражных окон. И сами окна – настоящее произведение искусства: узкие, высокие, в два человеческих роста. Каждое из них представляло собой картину, выполненную из разноцветных стекол. Вот мчится на крылатой колеснице верховная вира, поражает камнем познания Тьму, и та сворачивается змеей, уползает, спасается

от испепеляющего света солнца...

Люси снова дернула за руку засмотревшуюся сестру.

– Понравились окна? – заметил Леран интерес нареченной. – Этот храм – наша гордость. Знаете, после нашествия Темных прежний храм был полностью уничтожен, а этот отстраивали уже под руководством Ксандра. А мастера по витражам он привозил из столицы. Истинный художник оказался. Красиво, правда?

– Очень! – искренне отозвалась Вейн. – Нашествие и сюда докатилось?

Леран вдруг нахмурился, отвернулся, и девушка встревожилась.

– Леран? – она осторожно коснулась его руки. – Я сказала что-то не то?

Он вздохнул.

– Вы здесь не при чем, конечно. Просто это... черная страница в истории нашей семьи. Когда Перерожденные перешли Излом, много людей погибло, все это знают. К сожалению, нашествие не миновало и наши горы. Родители... их выпили Темные, Вейн. Досуха. Я думал, твой отец тебе рассказал.

– Нет, – тихо ответила девушка. – Я не знала, прости, что напредила.

Он с благодарностью сжал ее ладонь и грустно улыбулся.

– Я этого почти не помню, маленький совсем был, а вот Ксандру тогда досталось. Он тоже был еще мальчишкой, но смог меня защитить. Знаешь, самое страшное, что родители не погибли, а стали личами. И пытались меня сожрать... Я только и запомнил, что дикие глаза да оскаленный рот отца. Ксандру пришлось их убить. Родительским кинжалом и заколол. Обоих, и отца и мою маму... Вернее, то, что от них осталось. Мы потом долго в подвале прятались, потому что Темные не только родителей выпили, но и тетущку, и ее детей, и всех служек, и даже собак дворовых. И многие стали личами, жаждали свежего мяса и крови. Надеюсь, никогда не придется такое снова пережить. Хотя я и помню все это смутно, говорю же, маленький был... Мне тогда всего пять исполнилось.

– А брату?

– Ксандру было тринадцать.

Вейн молча сжала его руку. Слова были излишни. Та ночь, когда Перерожденные миновали Излом, до сих пор наполняет души людей страхом. Такие нашествия случались и раньше, но последнее было просто ужасным.

– Надеюсь, когда-нибудь свет победит, и люди смогут прогнать Перерожденных навсегда, – вздохнула Вейн. – И отомстить за потерянных близких.

– Я тоже на это надеюсь, – кивнул Леран и улыбнулся. – Не грустите, Вейн. Я совсем не хотел испортить вам настроение своими печальными воспоминаниями. Сегодня светлый день, так не станем его омрачать!

Девушка тоже улыбнулась.

– Ну вот, теперь вы оба здесь застряли, – к ним подошла недовольная Люсинда. – И что вы уставились на эти окна? Как будто на них цветы растут!

– Уже идем, – улыбнулся Леран, но руку Вейн так и не отпустил. – Кстати, Люси, цветы ты еще увидишь, обещаю. И совсем скоро.

Храм был переполнен, но для Лерана и его спутников предназначалась целая ложа, с удобными сидениями и мягкими подушками. И стоило занять свои места, как юные жрицы запели гимн восхваления.

Вейн положила руки в перчатках на деревянные перила. Она всегда любила этот момент, когда юные девичьи голоса раздаются в темном храме, освещенном лишь крошечными светочами, и шум стихает. Люди замирают, внимая. Их дыхание успокаивается, смолкают разговоры. Толпа становится недвижима и безмолвна, и все ждут.

Песня нарастает, голоса жриц взлетают к своду храма, и сотни людских сердец словно следуют за ними к самому большому окну, на котором всегда одно и то же изображение: огромный диск восходящего солнца. И когда мелодия уже дрожит на пике, и голоса певчих почти срываются на самой высокой и

пронзительной ноте, витраж светлеет. На нем проявляются цветы и деревья, и лучи взошедшего солнца потоком льются в храм, на стоящих внизу людей, словно благодать небесных вир.

Вейн наблюдала эту картину бесчисленное число раз, но всегда проникалась, как впервые. Конечно, с возрастом она узнала, что такой эффект льющегося света достигается какими-то хитрыми установками зеркал и стекол на крыше, но все же это было столь прекрасно, что хотелось верить в чудо. Лишь ради этого момента она поднималась затемно и ехала в храм даже по лютomu морозу. А сегодня Вейн особенно верила, что небесные виры смотрят на нее и оберегают.

– Очаровывает, правда? – шепнул Леран, и Вейн с улыбкой кивнула.

Увы, дальше было уже не столь интересно. Знакомые наизусть храмовые гимны почитания вир, танец жриц, больше похожий на монотонные раскачивания из стороны в сторону, речь Верховной, которая здесь была на удивление моложавой, не то что в родном Таларе.

Люси уже откровенно скучала и даже пару раз зевнула, не обращая внимания на гневные взгляды мистрис. Впрочем, их наставница была истовой виринией, и ее сейчас больше занимало происходящее в храме, чем поведение подопечных.

Вейн незаметно погрозила сестре кулаком. Все-таки она была старшей, и на ее плечах лежала обязанность присматривать за избалованной сестрицей. Люси отмахнулась.

– Каждый месяц одно и то же, – мрачно изрекла она. – Хоть бы гимн новый придумали, что ли.

– Вот ты привереда, Люси, – с усмешкой отчитала ее Вейн. – Смотри, какие здесь витражи красивые, в Таларе таких нет.

– Тоже мне достижение! – фыркнула сестра. – Зато наши жрицы лучше поют. А эти столько раз сфальшивили, что я со счета сбилась.

На это возразить оказалось нечего, потому что в отличие от Люсинды, Вейн не обладала ни слухом, ни голосом и судить о чистоте исполнения не могла.

– Привереда! – повторила она. – Ничего, скоро вернешься домой и будешь слушать правильный гимн.

Люси дернула плечиком, нахмурилась, но вдруг оживилась.

– Что это? – спросила она и тронула Лерана за руку.

Он повернул голову и помрачнел. По проходу шли стражники, а между ними с трудом волочил ноги грязный, бородатый мужчина, закованный в кандалы. Люди безглаголиво расступались, чтобы не коснуться идущих даже кончиком платья.

– Суд Света, – хмуро сказал Леран. – Мы можем уйти, если не хотите смотреть.

– Мы останемся! – торопливо сказала Люси.

Вейн взглянула на нее с сомнением. Дома родители запрещали сестрам присутствовать на Суде Света, считая, что это зрелище не для юных лейн. Говорят, даже почтенные матроны теряли сознание на таких судах, что уж говорить о нежных девах! Поэтому отец строго-настрого запретил им смотреть, и даже если и случалось такое во время службы, сестер всегда отправляли домой или в экипаж, дожидаться там родителей. Люсинду такая несправедливость всегда злила. Вейн же было все равно, она и сама не стремилась присутствовать на Суде.

Люси, зная отношение сестры, вцепилась ей в руку и посмотрела умоляюще. Сквозь тонкую дымку вуали голубые глаза сияли, словно горные озера.

– Пожалуйста, Вейн, давай останемся? – взмолилась она. – Ты же знаешь, что дома папа мне не разрешает смотреть! А мне любопытно... Прошу тебя!

Вейн задумалась. Сейчас, когда скорая разлука с сестрой неизбежна, разве могла она ей отказать? Тем более что и мистрис Алесс, кажется, не против.

– Вы уже взрослые, – пробормотала наставница. – В конце концов, нельзя скрывать это вечно!

И Вейн сдалась:

– Хорошо, – сказала она. – Остаемся.

Люсинда порывисто обняла сестру и почти улеглась грудью на деревянные перила, чтобы лучше видеть. Тем временем храм покинули дети и подростки, на Суде Света можно присутствовать только тем, кто встретил свою семнадцатую весну.

Мужчину в кандалах подвели к помосту, и стражники отошли. Верховная жрица смерила притихших людей горящим взглядом и повернулась к обличителю.

– В чем провинился этот человек, и почему он взывает к свету? – звонко спросила она.

– Он убил свою жену, Светлейшая, – почтительно ответил тот. – Его вина доказана, и приговор вынесен – виселица. Он взывает к Суду Света.

Верховная перевела взгляд на убийцу. Вейн тоже присмотрелась и удивилась, что по лицу мужчины катятся слезы, а рот раскрывается, словно он силится что-то сказать. Но не издает ни звука. И стоит совершенно неподвижно. Ей стало не по себе и захотелось уйти.

– Суд Света состоится! – так же звонко объявила жрица и повела рукой. – На время Суда в храм Света я впускаю Тьму, чтобы решить судьбу этого человека! Если виры простят его прегрешение, Тьма отринет его!

В центре помоста стало темнее, словно там пролегла более густая тень. А потом эта тень сгустилась еще сильнее, перелилась в очертания фигуры, и вышел Темный.

В толпе кто-то ахнул и все-таки лишился чувств. Люси поддалась вперед, с жадным любопытством осматривая Перерожденного. Хотя смотреть там было особо не на что – черный плащ с объемным капюшоном полностью скрывал черты нелюдя.

Жрица окинула Темного презрительным взглядом, но склонила голову в приветственном поклоне.

– Камень Познания! – торжественно возвестила она.

Четыре юные девы в длинных церемониальных одеждах медленно вынесли на полотне камень. Вернее, его осколок. Один из сотни осколков Камня Познания, который раскололся от грехов людских, и в то же время на земле образовался Излом. И Единое разделилось на Свет и Тьму. Тогда появились первые Перерожденные, те, что были темны в душе своей. Эти осколки бережно хранились в храмах, потому что даже маленький кусочек небесного камня всегда мог отделить свет от тьмы, определить, чего в человеке больше.

Девы дошли до помоста и осторожно возложили полотно с камнем на алтарь.

По лицу бородатого все так же катились слезы. Перерожденный неподвижно стоял сбоку, словно черная тень.

– Суд Света свершится! – крикнула жрица и подняла руки, взывая к вирам. Ее жест повторили все девы, и певчие тихо затянули песню, вознося благодарность мудрости и терпению всевидящих вир, что присматривают за глупыми и заплутавшими человеческими душами.

Мужчина вскинул голову, словно прислушиваясь к пению. С трудом, через силу, сделал шаг к алтарю. Потом еще один. На лице его застыло выражение муки и обреченности. Еще шаг. Его рот снова открыт, но не издает ни звука. И еще...

И вот он останавливается около камня, протягивает закованные руки к осколку. Толпа замирает. Очень медленно осужденный опускает ладони, касается Камня Познания... И его отбрасывает с такой силой, что он пролетает мимо неподвижного Темного и врежется в стену храма. Падает на пол с глухим стуком и замирает.

Тишина. Все молчат и снова ждут.

Вейн уже сто раз пожалела, что уговорила себя остаться. Все-таки правы были родители – зрелище не для девушек. Это просто... ужасно. Она до крови закусил губу, мимолетно порадовавшись, что вуаль хоть немного скрывает лицо. Может, для этого в храм и принято ее надевать?

Мужчина все так же не двигался. К нему подошел обличитель и дотронулся до шеи.

– Мертв, – коротко и равнодушно констатировал он.

– Суд Света состоялся! – возликовала Верховная жрица. – Виры простили прегрешения этого человека и отчистили его душу, не позволили Тьме забрать его! Его имя отныне освещено светом!

Под купол взлетел благодарственный гимн и люди зашевелились, зашептались. Перерожденный растаял черной тенью, и Вейн вздрогнула, увидев это. Тело бородатого убийцы унесли стражники. И снова звенит песня, снова льется в храм утренний свет, но на душе так противно и гадко...

– Ты расстроилась? – встревоженно спросил Леран, заглядывая ей в глаза сквозь дымку вуали. И добавил грустно: – Прости, надо было сразу вас увести.

– Просто мы еще ни разу не видели Суд Света, – через силу ответила девушка.

К ним подскочила Люси.

– Вейн всегда слишком близко к сердцу все принимает! – фыркнула она. – Тут надо радоваться, а не грустить, сестра! Виры помиловали этого человека, теперь его душа в их царстве. Он не стал Темным, не стал проклятым Перерожденным!

– Но он... умер.

– Ну и что? – удивилась Люси. – Он ведь убийца, его все равно ждала виселица. А так он смог сохранить свое доброе имя и умереть достойно. Вейн, ну что ты как маленькая!

– Простите. Конечно, все правильно. Суд Света справедлив... – она улыбнулась, не желая портить своим спутникам настроение. Но неприятный осадок остался.

И даже ночью, уже засыпая, девушка все думала о бородатом мужчине. О его открытом в безмолвном крике рте, о слезах на грязных щеках. И когда все-таки

провалилась в беспокойный сон, он снился ей и все силился что-то сказать.

Мертвые земли

Антар

Вейн обошла не только башни, но и весь замок. Молчаливых личей здесь было множество. Они безмолвными тенями скользили по коридорам и галереям, споро и слаженно выполняли всю работу.

На кухне хозяйничала толстая неприветливая Темная и Вейн порадовалась, что в Антаре есть люди, пусть и Перерожденные.

Кроме Ксандра, Путница узнала пятерых «живых»: кухарку Хло и ее помощницу Анариш, мужчину, что встречал Вейн за слоями, кареглазого шатена, который принимал клятву, и блондина, род деятельности которого она пока не выяснила. Эри внимательно, но ненавязчиво осмотрела цветные всполохи над головой каждого и удовлетворенно улыбнулась. Силы у Перерожденных было немного, плюс способности к трансу. У кухарки наблюдалась повышенная чувствительность к вкусу и запаху. У кареглазого – умение различать правду и ложь. Настоящая темная сила и умение входить в слои и создавать их, были только у Ксандра. Неудивительно, что он потребовал Клятву Жизни, как ни безумно это звучало. И в Антаре не было ни одного воина. Все Темные, сытые и спокойные, на вошедшую гостью даже не оборачивались. Глаза ясные, без признаков безумства, с бледным красным ободком вокруг зрачков. Хотя все правильно. Чем меньше сила, тем слабее голод. К тому же, вполне возможно, Путница предназначена для хозяина, а у остальных есть свои эри.

Вейн попыталась поговорить с женщинами на кухне, зная, что и Темные склонны к сплетням, но кухарка лишь недовольно поджала губы и указала ей на дверь.

– Мое дело хозяину еду готовить, а не языком чесать, – грубо заявила она и отвернулась.

Тогда Вейн пожала плечами и отправилась на поиски более сговорчивых собеседников. Им оказался блондин Сайкериос, который тут же предложил

звать его Сай. Широко улыбаясь, он сообщил, что служит при хозяине писчим.

Вейн чуть отстранилась. Ярко-красные всполохи над Темным ясно указывали на способность приманивать противоположный пол. И судя по тому, как полыхнули искры пожаром, Сай прямо сейчас решил этой способностью Тьмы воспользоваться.

Путница про себя усмехнулась. Наивный Сай! Но сделала вид, что чары Темного на нее подействовали, и широко распахнула глаза, легко входя в привычную роль Кьяры: соблазнительницы и соблазняемой.

– Рад познакомиться с очаровательной эри, – почти пропел блондин, картинно облачиваясь на невысокую ограду. – В этот раз Смотрящие прислали в Антар дивный цветок! Красота и сила эри, что может быть лучше?

– Может, красота и сила Тьмы? – улыбнулась Вейн.

– Тоже недурственно, – расхохотался Сай.

Путница чуть улыбнулась. В Темном мире не принято спрашивать, кем был человек по ту сторону Излома и за что попал сюда, но по манере разговаривать и держаться становилось очевидно, что Сайкериос благородного происхождения.

– Скажите, Сай, в Антаре всегда так... немногочленно? И где другие эри? А то я чувствую себя неуютно. Меня, знаете ли, на всех не хватит!

– Не переживай, красавица, – улыбнулся Темный. – Ты предназначена только для хозяина. Он никогда не делится своими... эри. А жаль... У него встречаются редкие экземпляры...

Вейн смотрела на блондина все с той же легкой улыбкой, ни на миг не выказав охватившего ее омерзения от его скабрёзного тона. Она ненавидела Темных, которые принимали эри не только за источник жизни, но и за развлечение. Жаль, но таких было слишком много. Продолжая мило улыбаться, Путница подумала, что на обратном пути нужно будет отправить этого блондина к праотцам, вслед за хозяином.

– У нас обычно многолюднее, – не подозревая о кровожадных мыслях собеседницы, продолжал Сай. – Конечно, не то чтобы намного... Хозяин не любит общения, живет затворником, хотя при его-то силе мог бы уже и в Ниарант перебраться.

– Что же не переберется? – почти влюблено промурлыкала Вейн. Право, такие разговорчивые писчие – просто находка! И знает о хозяине много и не принимает ее всерьез. А уж поболтать и покрасоваться как любит! Путница облизнула губы, заставляя Темного восторженно замереть. Он чуть сбился с мысли, но быстро собрался. Красные всполохи уже сияли без перерыва, Сай использовал свою силу на полную мощность, рассчитывая приятно провести время с эри хозяина.

– Не хочет, я же говорю: затворник. Эх, а в Ниаранте сейчас время Полночи! Можно знатно повеселиться! Вы любите Полночные игры, прекрасная эри? – с придыханием спросил писчий.

Вейн улыбалась все так же обворожительно, хотя мысленно скривилась от столь откровенного намека. Полночные игры столицы славились развратом и полной безнаказанностью ошалевших от силы Темных. Ей подобные развлечения были глубоко противны, хоть и приходилось пару раз принимать в них участие. Правда, те, кто развлекался с ней на играх, уже давно сгнили в сырой земле Темного мира, без надежды на возрождение.

– Ах, вы меня смущаете, Сайкериос, – похлопала ресницами Вейн. – Увы, мне не довелось принимать участие в играх. Но я о них наслышана... Там говорят, бывает так... горячо!

Блондин шагнул к ней, заглядывая в глаза. Красный ободок вокруг зрачка все такой же бледный, значит, Темный жаждет другого общения.

– Как жаль, что нам не довелось встретиться на играх, восхитительная Путница! – проворковал он. – Но я готов все вам показать... в подробностях! Быть вашим учителем и наставником, так сказать...

– Даже не знаю, – она сделала вид, что задумалась. – Возможно, мне стоит спросить позволения у хариса?

Упоминание хозяина заметно погасило жаркие всполохи Сая, и теперь они дрожали бледными тенями.

– Не надо! – торопливо проговорил он. – Эри свободны в своем выборе, так что не думаю, что хозяину нужно знать о нас...

– О нас? – Вейн придвинулась ближе, томно повела плечами и тяжело задышала.

– О нас, – Сай запыхтел еще тяжелее.

Эри подавила желание рассмеяться в голос. Светло-голубые глаза блондина отливали масляным блеском. Он торопливо оглянулся, удостоверился, что рядом никого нет, и прикинул, стоит ли зайти за конюшни, где у него было укромное местечко для таких неожиданных встреч.

– Не хотите ли прогуляться? Тут есть одно очень уютное место... – почти склонившись к ее губам, прошептал он.

Вейн разочарованно вздохнула, раздумывая, как вернуть писчего к разговору. Но кажется, Темный всерьез вознамерился развлечься и говорить больше не желал.

Эри с легким удивлением окинула его взглядом. Неужели он действительно думает, что она пойдет с ним на конюшню, спустит штаны и позволит такую... близость? Хотя притяжение у него действительно сильное, так что, скорее всего, для Сая это обычная практика. И если бы не ее защита, вполне возможно, они уже приступили бы к активным действиям.

Но пора заканчивать этот балаган. Хотя и делать из писчего врага не стоит, еще пригодится.

– Очень хочу, – с придыханием прошептала она, томно облизывая губы. – К сожалению, увы... Никак не могу. Я буду мечтать об этом, Сайкериос, обещаю!

Она выскользнула из его рук, которые уже по-хозяйски легли на ее талию, и пошла к замку, оставив позади недоумевающего писчего. Серый туман хлопьями опадал при каждом ее шаге, змеей обвивал тело, и Вейн взмахнула рукой, отгоняя его.

Разговор ее разочаровал. Она надеялась узнать больше. Эри достигла массивной двери, ведущей в нижний зал, и вошла. В животе настойчиво заурчало, напоминая, что эри живая и ей давно пора пообедать.

Путница кивнула, подзывая молодую девушку с пустыми глазами. Ошейник на лице был именной, с общими символами, значит, она подчиняется всем обитателям Антара, а не только хозяину.

– Я хочу есть. Проводи меня в гостиную, – громко и четко приказала Вейн. И добавила мысленно: «Нет, проводи меня в кабинет хозяина».

Лич застыла. В безжизненных темных, как эбонит, глазах дрожало отражение зеленных светильников. Потом она дернулась в сторону, сделала два шага, замерла и повернула обратно, туда, где располагалась гостиная. И уже более уверенно пошла вперед, размеренно переставляя ноги. Вейн, чуть улыбнувшись, спокойно двинулась следом.

В гостиной было пусто, и Путница с комфортом расположилась за небольшим столиком, приказав принести ей обед. Две безмолвные прислужницы быстро выполнили ее распоряжение, и вскоре она уже наслаждалась восхитительным вкусом грибного супа и нежнейшей запеченной тартейкой. Эти птицы водились лишь на востоке, в болотах Великой Глуши, но, похоже, у Призрака не было проблем с доставкой деликатесов, чему Вейн искренне порадовалась. Она смаковала десерт, когда серый туман вполз в щель под дверь и перелился в фигуру Ксандра, опустившегося на стул напротив и вытянувшего ноги.

Вейн безмятежно и молча доела яблочное суфле. Поддерживать беседу эри не обязана. Закончив трапезу, она со вздохом сожаления отодвинула блюдо. Облизнулась, сняла с левой руки перчатку и протянула ладонь Темному. Он не двигался, молча рассматривая на ее коже спираль Тьмы и клеймо принадлежности.

– Печать Северного Оста, – задумчиво произнес он. – Откуда она у тебя?

– Откуда у эри появляется клеймо? – с легкой насмешкой ответила Вейн. – Разве ты не знаешь, Призрак?

Он резко наклонился вперед и сжал пальцами ее запястье, словно заключил в кандалы. Чуть придвинулся, рассматривая бледное клеймо.

– Владелец Гнойной Впадины умер за год до твоего появления в Темном мире, Вейн, – спокойно сказал Ксандр. Поднял голову, заглянул ей в глаза. – И он не оставил приемников. Ветвь чертополоха – узнаваемое клеймо, но владелец никак не мог поставить тебе его, потому что я точно знаю, сколько лет ты здесь. Так откуда у тебя этот знак, Путница?

Вейн попыталась вырвать руку, чувствуя, как заползают в душу холодные щупальца страха. Но освободиться от хватки Темного было невозможно. Ксандр держал крепко, с холодным безразличием рассматривая ее лицо.

– Я не обязана отчитываться, – прошипела Вейн. – Ты делаешь мне больно!

Он разжал пальцы и откинулся в кресле.

– Я все чаще задумываюсь, кого именно мне прислали Смотрящие. Слишком много... несоответствий, – так же безразлично обронил Ксандр.

– Ты просто ищешь, к чему придраться, – Вейн постаралась, чтобы ее голос прозвучал обиженно, с легкой ноткой усталости и скорби. – И в чем-то обвинить меня. Это клеймо не Гнойной Впадины, а Хряков. Если ты так хорошо разбираешься в геральдике, то должен знать, что их отметки почти одинаковы, кроме одной детали, – она повернула руку и пальцем провела по белесому шраму над клеймом. – Вот здесь была корона.

Он молча смотрел на нее, не мигая. Зрачки глаз были расширены, и тьма струилась вокруг Ксандра бесконечным потоком. Вейн внутренне сжалась. Его сила не мелькала цветными всполохами или темными вкраплениями, она окутывала его, словно непроницаемый плащ, заполняла собой все пространство, дегтем зачерняя серебро глаз. Но Вейн продолжала смотреть, не отворачиваясь, зная точно, что Ксандр не может проверить ее слова. Хряки живы и здоровы, хоть и живут за тысячи лье от Антара. Наличие или отсутствие на отметке короны уже не проверить: удар ножом оставил на запястье некрасивый рваный рубец, перечеркнувший клеймо.

Она внимательно прислушивалась к своему сознанию, опасаясь пропустить прикосновение чужого разума. Но его так и не последовало. Ксандр просто придвинулся и кивнул на ее правую руку.

– Другую, – коротко бросил он.

Вейн протянула запястье, на котором не было клейма, и мужчина склонил голову, прижался к коже губами. Эри не сдержала надрывного вздоха. В теле разлилась блаженная истома, голова сладко закружилась. Внутренний хронометр привычно отсчитывал глотки, а Вейн все смотрела на склоненную голову Ксандра, подавляя в себе желание зарыться в эти темные волосы пальцами. Внизу живота заныло, и горло перехватило от острого, нестерпимого желания близости с ним.

...Три... Четыре... Пять.

Хронометр щелкнул в голове, заставляя Вейн убрать руку, но она медлила, тянула. Ксандр сам отодвинулся, снова откинулся в кресле и закрыл глаза. Эри отвернулась. Реакция собственного тела испугала ее больше, чем его вопросы.

Она поднялась и пошла к двери, стараясь двигаться неспешно, чтобы не было ощущения, будто она убегает. Почти ожидая, что Ксандр бросится в вдогонку, прислушивалась к тишине за спиной. И только выйдя за дверь, Путница до крови закусил губу и с яростью вогнала в ладонь иглу, чтобы прийти в себя. Боль отрезвила и охладила разбушевавшиеся чувства.

«У меня просто слишком давно не было мужчины, – со злостью подумала Вейн. – Или магия Сая все-таки пробила защиту и вызвала возбуждение? Шантар!»

Она вышла во двор и подставила лицо сырому ветру, а потом решительно вскинула голову и двинулась к каменной стене.

Далькотт

Утро нового дня выдалось солнечным и ясным. Хотя в долине еще лежал снег, но с юга отчетливо тянуло теплым ветром и, казалось, даже пахнет уже по-особому – весной.

Вечером Леран предложил Вейн осмотреть угодья и ознакомиться с ее будущим хозяйством. Конечно, как и всех девушек из благородных семейств, ее тоже учили всему необходимому: вести счетные книги, контролировать слуг, принимать и рассматривать жалобы от жителей угодных земель. По большей части все эти обязанности должна выполнять жена дера Александра, а сама Вейн после обручения с его братом становится сейшатой, то есть супругой сейша, правой руки хозяина. Но как объяснил ей нареченный, пока Ксандр холост, все эти функции лягут на плечи Вейн. Да и сам Александр почти не проживал в Далькотте, полностью передав управление Лерану.

– Я хочу показать тебе наши земли, хоть немного. Ты хорошо себя чувствуешь? Ехать желательно верхом, – предупредил Леран.

– Да, я совершенно здорова, не беспокойся, – уверила его Вейн.

– Я хотела бы поехать с вами! – загорелась идеей Люси. – Тем более завтрашний день обещает быть чудесным. Посмотрите, какой закат!

– Люсинда, это не увеселительная прогулка, – строго урезонила ее мистрис Алесс. – И тебе там совершенно нечего делать!

– Но мне интересно!

– Тем более, мне не нравится твой румянец, – непреклонным тоном добавила наставница, окидывая свою любимицу встревоженным взглядом. – Как бы ты не захворала! Завтра останешься в замке.

– Вы совершенно... непереносимы! – выкрикнула Люси, резко развернулась, взметнув ворох желтых юбок, и бросилась к лестнице.

– Что вы себе позволяете, юная лейна! – возмутилась мистрис и покачала головой, поджав губы. – Простите дер Леран, Люси еще ребенок.

– Лейна Люсинда не ребенок, – с улыбок ответил Леран. – Просто очень эмоциональна. Это по-своему очаровательно, мистрис Алесс. И не извиняйтесь, что вы!

Вейн промолчала. Они с Люси были погодки, и в свои девятнадцать старшая сестра считалась вполне взрослой и для замужества, и для ответственности. Поэтому она подозревала, что мистрис Алесс просто не хочет тащиться с ними завтра верхом, чтобы осмотреть уголья. А если поедет Люси, то ее необходимо будет сопровождать. На нравственность самой Вейн наставница уже давно махнула рукой. В конце концов, воспитанница будет в компании нареченного – весьма достойного человека, как все успели убедиться. Да и совсем скоро она станет его супругой, так что, если Леран и сорвет с губ Вейн поцелуй, ничего в этом страшного нет. Дело-то молодое...

Мистрис Алесс была прекрасно осведомлена о наказе матушки Вейн, запрещающем той возвращаться в Талар. Другое дело Люсинда. Ее необходимо беречь и охранять, хоть никто на нее здесь, кажется, и не посягает. И да, наставнице ужасно не хотелось покидать с утра теплые стены гостеприимного замка.

Так что, осматривать уголья Вейн и Леран отправились вдвоем. К обеду нареченный успел показать ей и стада в загонах, и бескрайние заснеженные поля, и темную кромку леса.

– А там, за лесом, находятся два озера. Отсюда их не видно. Это северный предел Далькотта. До остальных пределов ехать трое суток, так что осмотрим их, когда потеплеет.

– Леран, у меня голова идет кругом, – с улыбкой отозвалась Вейн. Они остановились на горном плато, и отсюда вся долина лежала как на ладони, напоминая белую скатерть, исчерченную тенями от домов и окаймленную лесом. Дальше извивалась лента реки, тоже еще скованная коркой льда.

Леран рассмеялся.

– Да, наверное, я тебя утомил.

– Нет, мне очень интересно, что ты! Просто не ожидала, что ваши уголья так обширны. Их получил ваш отец?

– Меньшую часть. Большую король пожаловал уже брату.

Вейн внимательно смотрела на долину.

– А чем занимается дер Александр при дворе?

– Разве я не говорил? Ксандр принадлежит Лиге Камня. Хотя брат не любит об этом упоминать. И пожалуйста, не стоит его расспрашивать.

Вейн продолжала задумчиво рассматривать долину. Вот как. Значит, брат ее нареченного состоит в самой таинственной и закрытой Лиге их королевства. И основной деятельностью этих людей является контроль и уничтожение Темных. Вся ответственность за нашествие Перерожденных, если такое случится, тоже ложилась на Лигу.

– Конечно, я не стану с ним об этом говорить, – уверила нареченного Вейн. – Не беспокойся.

Он тронул поводья, подъезжая ближе.

– Знаешь, я рад, что у нас появилась возможность пообщаться наедине, – сказал он и робко улыбнулся. – Я бы хотел узнать тебя лучше. Ты расскажешь о себе?

Он смотрел просительно, и Вейн подавила в себе желание поморщиться. Совершенно некстати подумала, что карие, чуть влажные глаза Лерана точь-в-точь такие же, как у телков, которых они недавно осматривали в загонах.

Девушка торопливо прогнала глупое сравнение и улыбнулась.

– Конечно. Что бы ты хотел узнать?

* * *

Подкрепиться они остановились в деревне, в доме управляющего. Их накормили сытным обедом, а пока Леран смотрел учетные книги, Вейн вышла прогуляться. Солнце сияло уже высоко и грело по-весеннему. С крыш домов стекала талая вода, и этот перестук капли наполнял душу радостью и ожиданием счастья.

Вейн остановилась на пороге и улыбнулась, сощурившись от яркого света.

– Лейна Вейнитта! – окликнула ее жена управляющего. – Если вам интересно, за домами есть лавка, там продают местные поделки и ткани. Даже оружие, что привозят с Перевала, и украшения. Иногда попадаются занятные вещицы.

– Спасибо, Софи, – кивнула Вейн. – Пожалуй, туда я и отправлюсь. После вашего сытного и вкусного обеда пройтись просто необходимо!

Женщина ушла в дом, а лейна неторопливо пошла вдоль оград, наслаждаясь неспешной прогулкой и одиночеством. Она чуть нахмурилась, поняв это. Да, Леран не вызывал в ней неприязни, но со временем его общество становилось утомительным. И сейчас она порадовалась, что нареченный занят, и у нее есть возможность прогуляться без него.

Она шла совершенно бездумно, порой кивая встречным людям и с удовольствием рассматривая дома с черепичными и соломенными крышами, крепкие ограды, расчищенные от снега дорожки и хлева со скотиной. По всему было видно, что простой люд в Далькотте не бедствует, и лица случайных прохожих не омрачены нищетой или страхом голодной смерти. Значит, года выдались урожайные, а господин не зверствует, отбирая последнее. И это тоже порадовало Вейн.

Она шла и шла, пока не поняла, что заблудилась. Никакой лавки поблизости не было, только длинные постройки, из которых ощутимо тянуло навозом и сеном. Конюшни. Такой знакомый с детства запах. И сразу нахлынула тоска по оставленной в Таларе Птичке – ее любимой лошади.

Не удержавшись, Вейн шагнула к темнеющему проему. Ей навстречу вышел бородатый конюх, посмотрел удивленно и склонил голову, приветствуя.

– Света вам, – поздоровалась девушка. – Я немного заблудилась. Искала лавку, а вышла к конюшням.

– Так лавка-то в другой стороне! – конюх хлопнул себя шапкой по колену. – А вы никак нареченная лейна? Из замка?

– Вы хорошо осведомлены, – улыбнулась девушка.

– Так в долине-то новостей никаких, – хитро прищурился конюх. – Ваш с сестрицей приезд, да будущее обручение – большое событие. А с сестрицей вас не перепутать, все знают, что нареченная с волосами темными, как ночь, а глазами светлыми, что вода озерная.

Вейн не сдержалась, рассмеялась.

– Как поэтично. Кто же так обо мне отзывался?

– Так люди говорят, – уклончиво пояснил конюх. – Меня кличут Огаром, я здесь старшой, на конюшнях.

Вейн хотела ответить, но откуда-то из глубины донесся шум и свист хлыста. И одобрительные мужские выкрики.

– А что там? – заинтересовалась она.

– Так господин дикого жеребца объезжает! – простодушно ответил Огар. – Только сегодня привезли. Чистокровный онтариец!

Вейн удивилась. Наверное, Леран знает короткую дорогу до конюшен. И специально сказал, что будет книги смотреть, а сам сюда... Ну она ему... Все выскажет!

Девушка решительно двинулась на звуки, внимательно глядя под ноги и обходя навозные кучи. Впрочем, конюшня была чистой и опрятной, а стойла новыми, еще пахнувшими струганным деревом. Все это она отметила краем сознания, торопясь и не обращая внимания на конюха, который тащился следом и бубнил:

– Но лейна... госпожа... Негоже как-то... Не для девичьих глазок-то...

– Огар, я столько раз видела, как объезжают лошадей, что вряд ли это зрелище меня удивит! – бросила она. – К тому же я всю жизнь мечтала увидеть онтарийца! Это же такая редкость!

– О да! – просиял конюх. – Красавец невиданный! Хотя и дикий, как степной ветер! Настоящий ураган!

Они прошли конюшню насквозь и оказались под открытым небом. Здесь была площадка, обнесенная деревянным ограждением, возле которого толпились конюхи и одобрительными криками встречали каждое движение господина. Вейн подошла ближе и замерла, рассматривая мужчину. На нем были узкие штаны и высокие сапоги, белая рубаша расстегнута на груди. Камзол небрежно брошен на доски. Темные волосы растрепаны, а в серых глазах застыла насмешка.

Конечно, как она могла подумать, что увидит здесь Лерана. Дикого онтарийца собирался объезжать Александр.

Вейн притаилась в тени здания, чтобы не привлекать к себе внимания. Впрочем, все были так увлечены противоборством человека и дикого жеребца, что даже не заметили появления гостя. Онтариец поражал: черный как деготь, с длинными тонкими ногами и невероятно грациозными движениями. В нем сплетались сила и красота, ярость и грация. Его движения завораживали, и Вейн подумала, что она могла бы любоваться им вечно. И мужчиной, который не уступал дикому животному.

Вейн даже забывала дышать, наблюдая этот поединок и броски жеребца из стороны в сторону в попытках избежать петли и вырваться на свободу. Конь то и дело вставал на дыбы и вскидывал задние ноги, метался по загону, гневно фыркая, в попытках сбежать. Но больше всего Вейн удивилась, не увидев в руках Александра хлыста. Дома, в конюшнях отца, объездчики всегда пользовались кнутом, болью доказывая лошади свое превосходство. У Ксандра же был только аркан, и, как ни метался жеребец, мужчине довольно быстро удалось набросить петлю на его лоснящуюся черную шею.

А вот дальше началось самое интересное, и девушка подошла ближе, не в силах оторваться от происходящего. Миг – и мужчина уже вскочил в седло. Конь яростно заржал, брыкнул задними копытами. Встал на дыбы, метнулся в сторону в отчаянной попытке сбросить седока. Из его ноздрей уже валит пар, уши почти прижаты к голове, хвост хлещет по бокам, пытаясь достать человека. Он метался по загону с такой скоростью, что казался черным смерчем. Вейн даже не представляла, как Ксандр все еще удерживается в седле. Но вскоре даже ей стало очевидно, что дер не только не собирается падать, но и настойчиво

показывает жеребцу, кто тут главный, умиряя его. И уставший онтариец успокаивается, хоть и фыркает гневно, но уже не так рьяно. Александр улыбается, похлопывает его по шее, говорит что-то ласковое.

Вейн перевела дух. Кажется, она и правда не дышала, пока длилась эта дикая скачка. И только тут осознала, что ее появление здесь, наверное, действительно... неуместно. Но тихо сбежать не получилось, потому что Ксандр повернул голову и в упор посмотрел на нее. Вейн замерла на месте, и так и стояла, пока он спрыгивал с онтарийца и приближался к ней.

– Кажется, вы собирались сбежать, даже не поздоровавшись, лейна Вейн? – сказал мужчина, оказавшись рядом, и чуть склонил голову, рассматривая ее.

– Света вам, дер Александр, – пробормотала она. – Я подумала, что мне здесь... не место.

– Отчего же? Неужели вас так смутил процесс объездки дикого жеребца?

Она вскинула голову, внимательно всматриваясь в его глаза. Выглядел Ксандр почти бесстрастным, так почему же ей кажется, что мужчина смеется?

– Меня совершенно не смущает этот процесс, – ответила Вейн. – Я имела удовольствие неоднократно наблюдать его на конюшнях моего отца.

– Хм... у вашего родителя своеобразные понятия о воспитании лейны.

В серых глазах разливалось серебро, кончики губ чуть дрогнули.

– Дер Александр, вы надо мной смеетесь? – не выдержала девушка.

– А вы всегда задаете вопросы так прямолинейно? – теперь он уже откровенно улыбался.

– Это лучший способ получить ответ! – Вейн, не сдержавшись, тоже улыбнулась и кинула быстрый взгляд на жеребца, уже спокойно стоящего у ограждения. – Никогда не видела настоящего онтарийца! Он прекрасен...

– Да, самое прекрасное, что я видел, – тихо произнес Ксандр, не отрывая от нее взгляда.

Вейн покраснела. Почему его слова всегда кажутся ей двусмысленными?

– Вы здесь одна? Где ваша сестра? Или Леран? Или несравненная мистрис Алесс?

– Леран остался в доме управляющего, а Люси и наставница в замке. А я вот... заблудилась. Не ожидала вас тут встретить. Я думала, вы уехали на Перевал.

– Уже вернулся, – Ксандр задумчиво ее рассматривал, и девушка вдруг остро ощутила, что он стоит слишком близко.

– Я, пожалуй, пойду, – пробормотала она. – Леран будет волноваться.

– Не беспокойтесь, – возразил он. – Я пошлю кого-нибудь предупредить брата.

– Но...

– Оставайтесь, Вейн, – он вдруг улыбнулся. – Неужели вы не хотите погладить настоящего онтарийца? Поверьте, вы редко встретите такого жеребца.

Девушка заколебалась. Уходить не хотелось совершенно, но все же...

– Не бойтесь, – вкрадчиво уговаривал Ксандр. – Я не стану вас целовать.

– Что? Да как вы...

Кажется, она снова покраснела и жутко разозлилась. Вскинула голову и холодно посмотрела в его смеющиеся глаза.

– Я совершенно этого не боюсь, дер Александр. Напрасно вы думаете, что...

Он резко шагнул к ней, и она испугано отшатнулась. Ксандр рассмеялся.

– Да, очень заметно, как вы не боитесь, – с насмешкой сказал он.

– Вы намерено меня провоцируете! – возмутилась она.

– Конечно, намерено. Вейн, перестаньте, вы дрожите, как мышь перед прожорливым котом. Я не буду вас... есть. Я не ем очаровательных лейн.

Вейн так и хотелось спросить, а что он с ними делает, но она сдержалась. И правильно сделала, потому что, судя по насмешливо вздернутой брови, Ксандр ждал от нее именно этого вопроса.

– И откуда же в ваших конюшнях настоящий онтариец, дер Александр? – елейным тоном заговорила Вейн на совершенно другую тему.

– О, это потрясающая история, я вам расскажу. Вы не сбежите, если я оставлю вас на несколько минут? Боюсь, после такого близкого знакомства с этим жеребцом мне требуется пара ведер холодной воды.

Он улыбнулся, и Вейн сжала зубы, заставляя себя не глазеть на него, словно деревенская девка. Но это было трудно, и ее взгляд упорно возвращался к расстегнутой рубашке, растрепанным волосам и серебряным глазам Ксандра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/marina-surzhevskaya/veyn>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)